

ИВАН ШУХОВ

Покорител
целини

11

1350
90

95

ИВАН ШУХОВ

Покорители целины

о черки

31077

4

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1955

ЗОЛОТОЕ ДНО

Казахстан! Страна неприступных горных вершин и дремучих таежных дебрей; царство безмолвных шафранных пустынь и безбрежных ковыльных просторов; золотое дно плодороднейших черноземных равнин севера и мир залитых теплом и светом хлопковых и рисовых плантаций юга; зоны среднерусских пейзажей — холмистых лесостепей, тихих озер и березовых перелесков — и места полуденного солнца, виноградников и садов. Таков географический облик этой обширной, богатой республики — края резких климатических контрастов. Тут увидишь вечные снега на вершинах высоких гор и субтропические растения в долинах, испытаешь арктические снежные бури и песчаные самумы. В конце февраля под Кустанаем и Петропавловском с грохотом рвутся в морозные ночи метровые льды на озерах, а в степях за Тургаем бушует седая пурга; в то же время на пригретых вешним теплом нижних уступах Заилийского Ала-Тау уже красуются нежные, рсбкие подснежники. В одних районах республики по утрам не надышишься в эту пору ароматом густого, стойкого, как сотовый мед, морозного воздуха, а в других — уже слегка кружит голову бражный запах пригретой солнцем яблонево́й коры.

Богатейшее зерновое хозяйство Казахской Республики, и в частности основной житницы ее — Северного Казахстана, имеет свою давнюю, поучительную и увлекательную историю.

До конца XVIII столетия этот издревле обжитый кочевыми народами бывший Киргиз-Кайсапский край земледельческой культуры не знал. Кочевники не занимались хлебопашеством. Они довольствовались теми благами, которые давало животноводство. История земледелия на этих бескрайних просторах прочно связана с историей России.

Проникновение первых русских людей в степные владения кочевников отмечено почти за два столетия до того, как сквозь первый взрыхленный пласт благодатной земли пробился первый пшеничный колос. По горячим следам Ермака в 80-х годах XVI века пошли по диким степям те боевые дружины служилых русских людей, коим доверено было — согласно царевой грамоте — окончательно «подвести новые земли под высокую царскую руку». В решающей битве на Иртыше Ермак разгромил Кучума, но не добил его. Как свидетельствует знаменитый сибирский летописец Михаил Ремезов, некогда грозный хан с остатками потрепанного своего войска «утече на калмыцкий рубеж Ишима». Этим рубежом и являлись плодороднейшие пространства нынешних Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и частично Кустанайской областей. В 1598 году боевые дружины русских воевод окончательно разгромили кучумские орды и земли эти присоединили к России. Сам Кучум, бежав в южную глубь ногайских степей, погиб.

Но кровопролитные битвы продолжались тут и позже — на протяжении почти двух столетий. Вскоре после бесславной гибели Кучума русским воинам пришлось сражаться с ногайцами, у которых нашли себе приют сыновья грозного татарского властителя. Затем на степные рубежи хлынули с юга несметные полчища джунгар. Они стали грабить местное население и опустошать воеводские остроги, охранявшие завоеванные владения. Но полудикие племена джун-

гар, конечно, не могли противостоять России, тем более, что их ненавидело и местное население. Когда же в долинах Иртыша и Ишима был открыт алебастр (ошибочно принятый за слюду), Петр I повелел воздвигнуть в присоединенном крае несколько новых военных укреплений и откомандировал сюда три тысячи конного и пешего войска во главе с бригадиром Бухгольцем. Прибыв на место, эти люди и заложили сначала Омскую, а затем Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости.

В 1752 году генерал Киндерман построил на правом берегу Ишима крепость Петра и Павла — нынешний Петропавловск, и воздвиг целую цепь укреплений, земляных городищ, маяков и редутов, что пролегли близ горько-соленых озер от Яика до Иртыша. От обилия горько-соленых вод линия эта и была названа Киндерманом Горькой. В 1808 году на этой-то линии и было образовано линейное Сибирское казачье войско. Правительство наделило казаков землей, жалованием, а на первое время — фуражом и продовольствием. Спустя лет пятнадцать после того линейные казаки уже были хозяевами всех окрестных степей от Петропавловска до Кокшетау, от Акмолинска до Каркаралов.

Так завершен был первый тур освоения Россией Северного Казахстана.

Но землю возделывать тут начали значительно прежде, чем появились казаки. Первые военные были и первыми земледельцами.

В 1745 году командир всех сибирских пограничных линий генерал Киндерман, желая удешевить продовольствование подчиненных войск, приказал ввести казенное хлебопашество, а через год после этого приказа на Горькой Линии были уже организованы так называемые казенные пашни. Из шестисот линейных солдат, снабженных из казны земледельческими орудиями и волами, каждый обязан был засеять ежегодно по три десятины ржи и по три ярицы. Однако казенное, или, как его называли позднее, «палочное», хлебопашество большой пользы не принесло. От посеянных казаками в 1747 году 1 759 четвертей ржи, ячменя и ярицы было получено только 6 174 четверти, то-

есть урожай был менее, чем сам-пятый. Следующий год был еще менее урожайным. Почти ежегодно командиры линейных крепостей доносили Киндерману, что «во многих местах был великий недород за жарами и морозами, а в некоторых крепостях и семена едва возвратились». Таким образом, казенный хлеб обходился значительно дороже привозного. В 1770 году «палочное» хлебопашество было отменено сенатом как неоправдавшее себя.

Пятьдесят лет спустя на Горькую Линию прибыл генерал Капцевич и узнал, что казаки довольно успешно занимаются земледелием...

Боевая жизнь линейных казаков, разумеется, затрудняла земледелие. Своими силами казаки не могли освоить сколько-нибудь значительных площадей, но они положили начало освоению и доказали выгоду земледелия в этом необъятном крае. По справедливости поэт Леонид Мартынов изобразил в одном стихотворении завоевателя Сибири Ермака как первого землепашца.

Вот как звучат мартыновские стихи:

Еще торчит татарская стрела
В стволе сосны на берегу тобольском;
Смердят непогребенные тела
Там, на яру, еще от крови скользком.
— Мы голову Кучуму отсечем! —
Сказал Ермак. — Сибирь на меч подъемлю! —
Он вынул меч. И боевым мечом
Ударил землю и разрыхлил землю.
Подходит пленник. Он хитер и стар,
Мурза татарский с жалкими усами.
— Ермак могилу роет для татар? —
Ермак в ответ: — Ее вы рыли сами! —
И засмеялся. Острием меча
Он продолжает рыть еще упорней.
Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
Растений диких лопаются корни.
Земля, на меч налипшая, жирна:
В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
— Кольцо! Достань-ка горсточку зерна,
Немолотое есть у кашеваров. —
...Глядят на атамана казаки
И пленники — праправнуки Батыя.
Летят из атамановой руки
В сырую землю искры золотые.

«Я много ль сеял на своем веку?» —
Так думает страны завоеватель.
Иван Кольцо подходит к Ермаку,
Его помощник и большой приятель,
Ивану заглянул Ермак в лицо,
И шепчет он — тревогой полон голос:
— Как думаешь, дружок, Иван Кольцо,
Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?

Восемьдесят лет назад акмолинский почтмейстер заштемпелевал в присутствии губернаторского письмоводителя и отправил в далекий Петербург особо важное, за сургучной печатью строго секретное письмо. Это был увесистый, казенного образца пакет, адресованный лично императору. Вот что писал тогда степной генерал-губернатор Казнаков царю:

«Положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные оными в гражданственности, весьма ничтожны. Попытки же перехода сих инородцев к земледелию также не заслуживают внимания. Между тем, доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по Линии казаки, по малочисленности своей, не могут принести оному делу большой пользы, но сами поголовно обучились киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем безвредные, привычки кочевого народа...»

Генерал Казнаков поднял перед императором вопрос об отмене запрета на доступ к казахским землям для крестьян из центральных губерний России. Получив губернаторское донесение, император размышлял четырнадцать лет и лишь в июле 1889 года обнародовал «высочайшее уведомление» о том, что отныне акмолинские и все западносибирские степи объявляются открытыми для вольного крестьянского переселения.

Подходил к концу XIX век. За неполное столетие Россия уже успела насчитать сорок голодных лет. Со страшной закономерностью каждые два-три года стра-

на терпела неурожай, за которым следовал голод. Если в начале столетия в центральной полосе империи временно голодали по 6 и по 8 губерний, то в сороковых годах их число достигало уже 18, а в девяностых—60. Однако эти страшные цифры не очень тревожили романовскую династию. Императоры, ревностно поддерживаемые помещиками, боролись не с голодом, а с... голодающими. Так, например, когда в 1840 году голод одолел около двух десятков губерний, Николай I, образовав секретный комитет, соблаговолил дать ему для руководства следующую директиву: «Надлежит помнить, что от достаточной помощи в крестьянах возбудится леность и тунеядство, и правительство, ограждая народ от физического бедствия, может сделаться невольной причиной распространения нравственных недугов, в существе своем несравненно вреднейших и опаснейших...»

Естественно, что когда был открыт доступ в доселе наглухо замкнутые на двенадцать засовов ворота в далекую хлебородную степь, десятки тысяч изголодавшихся на родине, отчаявшихся мужиков тотчас снялись с насиженных мест и, не раздумывая, тронулись в неведомые акмолинские места.

По терновому, каторжному пути шли в те годы переселенцы. История дореволюционного переселения российских крестьян на пустынные восточные земли — это целая эпопея страшных, почти неправдоподобных бедствий, чудовищных лишений и неисповедимого народного горя. Перенести все это способен был только русский мужик.

Писатель Н. Д. Телешов рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды, в пору своей литературной юности, он случайно встретился в вагоне пригородного подмосковного поезда с А. П. Чеховым. Телешов ехал на одну из пригородных станций с намерением снять там для себя дачу на летний сезон. Разговорившись с Чеховым, молодой писатель пожаловался ему на отсутствие тем для творчества. Внимательно выслушав юного литератора, Антон Павлович, мягко улыбнувшись, сказал ему:

— Послушайте, а зачем вам эта самая дача? Знаете, что я вам посоветую? Ежели хотите стать серьез-

ным писателем, плюньте-ка, батенька, на все эти дачные затеи. Я бы на вашем месте сию же секунду вернулся в Москву, купил бы билет и завтра же выехал бы третьим классом куда-нибудь подальше... ну, скажем, на Урал. Уверяю вас, там вы встретите немало интересного, и вам будет потом о чем рассказать...

Телешов так и сделал. Распрощавшись на первой же дачной остановке с Чеховым и горячо поблагодарив его за полезный совет, он вернулся с первым же встречным поездом в Москву, немедленно выправил билет на вокзале и на другой день уехал в вагоне третьего класса в далекую зауральскую степь. А через два года в Петербурге вышла в свет книга, сразу же обратившая на себя внимание критики и доставившая автору ее широкую популярность в читательских и литературных кругах. Это были телешовские «Переселенцы» — правдивая, глубоко волнующая повесть о русском мужике, рискнувшем попытаться счастья в пустынных акмолинских степях. Именно Телешов первым из писателей рассказал языком художника горькую правду об этой переселенческой голгофе, где столько было страданий, народного горя, гнева и слез, что далеко не у каждого из читателей хватало тогда мужества и решимости дочитать эту книгу до конца.

Как Н. Д. Телешов в литературе, так другой значительный русский художник С. В. Иванов в живописи оставил нам яркие художественные документы, свидетельствующие о трагической судьбе дореволюционного русского переселенца. Все мы помним и по Третьяковской галерее и по многочисленным репродукциям широко известную картину «Переселенцы». И тот из нас, кто хотя бы раз в жизни видел это полотно, никогда не забудет ни жалкой переселенческой повозки, одиноко торчащей среди дороги в глухой степи, ни страшного в своей неподвижности, прикрытого грубой холстиной трупа кормильца осиротевшей семьи, ни этих обреченно опущенных под тяжестью невыплаканного горя, страдальчески выразительных женских плеч.

И книга Н. Д. Телешова, и картина С. В. Иванова, и превосходный, как всегда предельно выразительный и яркий рассказ «На край света» Ивана Бунина —

все это документы одного плана, где путем обобщений и изобразительных средств художники раскрыли нам с потрясающей психологической глубиной внутренний мир русского мужика, вынужденно покинувшего свою родину и отправившегося на поиски некоей обетованной страны.

Но существуют документы и другого плана, где скупой и точный язык фактов и цифр, пожалуй, не уступает по своей выразительности ни объективному телешовскому слову, ни острому бунинскому перу, ни строгой и смелой ивановской кисти. Так, например, в XVIII томе полного географического описания России, изданном в С.-Петербурге в 1903 году, читаем:

«С девяностых годов начался усиленный наплыв переселенцев в Акмолинскую область, с которыми администрация первое время не знала, что и делать и куда их размещать. Так, летом 1890 года в области скопилось свыше 17 тысяч никуда не причисленных переселенцев. Они буквально наводнили все казачьи поселения. Но так как везде все было переполнено, то они целыми месяцами бесцельно блуждали из поселка в поселок в тщетных поисках пристанища. Уездные власти, не видя возможности как-нибудь устроить всех этих несчастных и опасаясь волнений и развития различных эпидемий, употребляли все меры, чтобы удалить переселенцев из пределов области».

Вот как встретили акмолинские власти в лице так называемой особой комиссии по делам переселения прибывших сюда россиян. А на покинутой пришельцами родине, когда они только еще собирались переселиться, им были обещаны и свободный выбор земельных участков, и льготы по податным платежам и натуральным повинностям, и бесплатные сто лесин на каждый двор для обзаведения постройками, и даже 20 рублей наличными на каждую семью «на предмет обзаведения скотом», как говорилось в «переселенческой инструкции». Но это были обещания. Действительность оказалась иной.

Наступила грозная, до сих пор многим памятная в Северном Казахстане, осень 1890 года. 915 семьям из 17 тысяч, мечтавших найти в акмолинских степях обетованную землю, наконец, повезло: их кое-как.

с грехом пополам, все же «устроили» на прирезанных межевиками земельных участках. Но что это были за участки! Межевые партии землеустроителей меньше всего заботились о благополучии новоселов и в спешке селили их где попало. Вот почему через год многие из вновь возникших в степи переселенческих сел, хуторов и отрубов исчезли. Крестьяне вынуждены были сняться с обжитых за зиму мест и тронуться на поиски новых, более пригодных земельных угодий. Причины к тому были веские: то близ поселков воды не оказалось, то почва была солончаковой, то новоселам межевика «забыли» прирезать сенокосные угодья. «Забывчивость» землеустроителей объяснялась очень просто: землеустраиваемые ими мужики, как потом оказалось, недостаточно щедро «позолотили господам землеустроителям ручку» и вот теперь вынуждены были расплачиваться за свою недогадливость более крупной монетой, разоряясь вчистую, вконец...

Судьба же нигде не приписанных переселенцев была еще ужасней. Очутившись к зиме без крова, без куска хлеба, без гроша за душой, тысячами отупело кружились они по степи, бродили по линейным казачьим станицам «в тщетных поисках пристанища». Но казаки не очень-то радушно привечали пришельцев из далекой «лапотной Расеи». Видя в новоселах своих врагов, посягающих на священную казачью землю, и по наитию чувствуя в них опаснейших своих конкурентов в земледелии, линейные старожилы не только не давали приюта обездоленным мужикам, но, с молчаливого согласия начальства (а нередко и подстрекаемые им), гнали переселенцев из своих станиц прочь, не позволяя даже укрываться от дождей и непогоды под крышами пустующих войсковых амбаров. Прогнанные из станиц, злорадно освистанные и осмеянные злыми на язык старожилами, измученные бесконечными скитаниями, отчаявшиеся, изголодавшиеся и почти уже утратившие человеческий облик переселенцы вынуждены были искать защиты в пустынных степях или у редких зимовок кочевников. Но казахи-кочевники, сами вытесненные с прежних богатых пастбищ, не могли сочувственно отнестись к русским новоселам. Аткаминеры, влиятельные степные князьки и бай, на-

травливали казахскую бедноту на блуждающий по степи бездомный русский народ. Сложнейший переплет национальных и классовых отношений обретал самые злые, острые формы.

Нет, некуда было приклонить головы в этом просторном краю затравленным, попавшим под перекрестный огонь национальной, сословной и классовой ненависти переселенцам. На суровом чужестранном ветру, под проливными дождями ютились они в жалких шалашах и, простужаясь и голодая, умирали близ глухих дорог, беспомощно цепляясь цепенеющими пальцами за жестокую, неласковую к ним землю...

«Употребив все меры к удалению переселенцев из пределов области», ақмолинское степное генерал-губернаторство разогнало чудом уцелевших от голодной смерти людей куда попало. Часть из них была выпровожена на Алтай, иные уплелись в соседнюю, Семипалатинскую область, иные — таких, правда, было немного — рискнули вернуться на родину.

Но могучий переселенческий поток, хлынувший к прославленным берегам Ишима, не затих и после пережитой первыми переселенцами катастрофы. К 1896 году здесь уже осело свыше 80 тысяч курских, орловских, пензенских и тамбовских мужиков. Потом появились белые, крытые золотистой соломой хаты с молодыми вишневыми садиками прикочевавших сюда киевлян, херсонцев, полтавцев и черниговцев. Задумчивый и уютный украинский пейзаж смягчил библейскую суровость этих равнин. Вскоре приветливо замахали могучими крыльями высокие, со стрельчатыми шипами на макушках украинские ветряки. Приятно было смотреть издали на неутомимую работу этих тружеников усталому степному путнику, завидевшему вдалеке новое, прочно обжитое трудовым народом селение.

Эти гордо поднимавшиеся над степью ветряки были первыми маяками зародившегося в степном краю и стремительно разраставшегося торгового земледелия. И зоркие, наметанные глаза екатеринбургских, ирбитских и шадринских зерноторговцев сразу же заметили новую, обширную зону для хищных своих промыслов и спекуляций. Вот почему все чаще и чаще стали кру-

житься окрест незнакомых переселенческих сел бойкие на язык, расторопные и всегда как будто полухмельные заезжие с Урала хлеботорговцы.

А в канун 1917 года чиновники Акмолинского губернского статистического управления доносили по начальству, что «согласно последних статистических данных, собранных по степному краю, на территории Акмолинской губернии числится уже свыше одного миллиона двухсот тысяч осевших на землю переселенцев».

Так был завершен второй тур колонизации бывшего Киргиз-Кайсацкого края. По тропе Ермака, по следам русских служилых людей, за полками пехоты и лихими эскадронами казачьей конницы пришла в эту степную окраину Российской империи великая армия земледельцев, армия будущих мастеров земли.

Сокровенная мечта Ермака — завоевателя и первого земледельца края — сбывалась. Зерно, некогда брошенное во взрыхленную боевым мечом землю, дало ростки. И напрасно тревожился вдруг затосковавший по пашням полководец: пригоршня золотых искр, оброненная им на поле брани, не была вытоптана потомками. Но до урожая, о котором часто мечтал в бессонные ночи задумавшийся под шатром Ермак, было еще далеко.

Наступал только 1917 год.

2

Редкий, пожалуй, из наших современников знает о том, что еще совсем недавно, всего каких-нибудь лет шестьдесят назад, в Северном Казахстане существовало орошаемое земледелие. Как и на юге Казахстана, здесь весело журчали арыки, орошая пашни и омывая луга. Глуховатый, дремотный говор арычной воды можно было услышать тогда в самых северных районах нынешней Акмолинской области, под Атбасаром и близ Петропавловского менового двора. И там, где ныне тяжело клонятся долу золотовесные колосья вызревших колхозных хлебов, где шумят на ветру голубые волны овсов и смыкаются с далеким степным горизонтом шафранно-желтые массивы пшеницы, — там

в недалеком прошлом ютились близ безыменных степных речушек и ручейков жалкие клочки искусственно орошаемых человеком пашен.

Это были пашни кочевников-казахов.

Именно казахи занесли сюда от ворот Ташкента и Бухары древнюю культуру поливного земледелия. Не имея под руками более совершенных сельскохозяйственных орудий, чем ручной кетмень, кочевники были не в силах одолеть залежи спрессованной столетиями земли. Появление в этих местах испытанной и много-страдальной русской матушки-сохи произвело технический переворот в казахском земледелии. Теперь, при наличии мощных тракторов и многолемешных плугов, смешно говорить о сохе, а в ту пору, по сравнению с ручным кетменем, она была дельным сельскохозяйственным орудием. И естественно, что соха очень скоро вытеснила ручной кетмень, а с ним вместе и примитивное поливное земледелие.

До первой половины прошлого столетия казахи почти не занимались хлебопашеством. Потом, отчасти под влиянием русских земледельцев, отчасти из-за набегов враждебных племен, угонявших гурты скота, разорявших кочевников, они волей-неволей приобщались к земледельческому труду. Одной из причин этого были также массовые падежи скота, возникавшие то в одном, то в другом месте. Так, например, в 1879 году у казахов бывшего Казалинского уезда погибло свыше двух третей скота. Десять тысяч кибиток из 25 тысяч вынуждены были перейти от скотоводства к земледелию. Еще раньше казалинцев взялись за посевы пшеницы и овса кочевники с берегов Или и из Карательской долины. Причем, по свидетельству пристава Большой орды, как илийские, так и карательские кочевники, согласно особому договору с тогдашним военным управлением Заилийского края, уже поставляли продовольствие и фураж для казачьих войск, сосредоточенных в 1855 году в укреплении Верном.

Приблизительно в эти же годы земледелие получило довольно широкое распространение и в северных районах нынешнего Казахстана. А перед Октябрьской революцией казахи Актюбинского уезда занимались посевами уже почти поголовно. Около 80 процентов

полукочевого казахского населения имело к этому времени свои посевы в Кустанайском и свыше 60 процентов — в Лбищенском уездах. Это были районы наиболее развитого казахского земледелия, где, по данным бюджетного обследования, годовой расход хлеба на одно хозяйство составлял в среднем уже 119 пудов. Казахи же бывшей Акмолинской губернии, по сравнению с кустанайцами и актюбинцами, сеяли меньше и доход от своих посевов имели незначительный. Объясняется это тем, что крупные скотоводческие хозяйства акмолинских полуфеодалов земледелием не занимались: им еще пока было выгоднее гонять по кулундинским и каркаралинским ярмаркам тысячные гурты своего скота и вступать в привычные торговые сделки с российскими скотопромышленниками, чем пускаться в весьма рискованную конкуренцию с местными «зерновыми королями», набившими руку на хлебных спекуляциях. И если годовой денежный доход казахских земледельцев Кустанайского и Актюбинского уездов выражался к концу 1913 года в 24 рублях, то казахи Акмолинского уезда получали от своих посевов не более трех рублей в год, а среди казахских земледельческих хозяйств Петропавловского уезда годовой доход не превышал и... пяти копеек.

В эти предвоенные годы среди казахского населения бывшей Акмолинской губернии хлебопашеством занимались почти исключительно бедняки. В основном это были люди, близкие к полному разорению. Чудом удержавшись за последнюю лошадь и не имея иных источников существования, они брались за поручни сохи и начинали ковырять жалкий клочок земли, надеясь таким образом поддержать угасавший огонь семейного очага и спасти свою семью от голодной смерти. Нам теперь трудно даже представить, как это могло держаться такое хозяйство с... пятикопеечным доходом в год. А между тем это было так. Это было так потому, что выбора у казахского бедняка, в сущности, не было: или ковыряться с грехом пополам в земле и хоть впроголодь, но кормить до половины зимы свою семью хлебом, или, бросив эту семью на произвол судьбы, отправляться к линейному казаку или степному баю в батраки, откуда возврата не было.

Развитие торгового земледелия в дореволюционном Казахстане шло за счет линейных казачьих и главным образом переселенческих хозяйств. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года свидетельствуют, что около 80 процентов всех посевных площадей бывшего Киргиз-Кайсацкого края было сконцентрировано в переселенческих хозяйствах. Посевная площадь переселенцев, осевших в границах нынешнего Казахстана, исчислялась в канун первой мировой войны в 2 миллиона 864 тысячи десятин из 4 миллионов 259 тысяч десятин всей посевной площади края. Остальная посевная площадь в количестве 1 миллиона 395 тысяч десятин падала на казачество и на хозяйства бывших кочевников.

Классовая дифференциация среди новоселов началась в первые же годы освоения новых земель и особенно обострилась в канун первой мировой войны. Из обследования переселенческих хозяйств, произведенного профессором Румянцевым в Лепсинском, Копальском, Сергиопольском и Верненском уездах, видно, что 35 процентов из проживавших здесь в 1912 году переселенцев считалось «неприписными», то-есть не имело ни своей земли, ни клочка своих собственных посевов. Эти русские и украинские люди, наравне с казахской беднотой, терпели такую беспросветную нужду, такие нечеловеческие бедствия и лишения, о которых знаем мы теперь только по просторным, как степи, по горьким, полным тревоги, тоски и гнева русским народным песням да по вдохновенным и непосредственным творениям степных акынов, воспевших в своих стихах скупую на счастье и радости жизнь казахской кочевнической бедноты.

По свидетельству того же профессора Румянцева, только 15 процентов из обследованных им в упомянутых уездах переселенческих хозяйств жило в достатке и довольстве. В руках этих 15 процентов было сосредоточено около 70 процентов всего имевшегося в переселенческих хозяйствах скота и свыше половины всей посевной площади. Это были кулаки — типичные представители тех самых капиталистическо-фермерских хозяйств, на которые возлагал в свое время все надежды земледельческой России известный «реформа-

тор» Столыпин. По хвастливым и самоуверенным заявлениям этого реакционнейшего царского министра именно таким «крепким хозяйствам» суждено было открыть новую эру технического прогресса в русском земледелии. Однако история показала, что никакой такой новой эры столыпинские отрубные кулаки не открыли и никакого прогресса в своем земледелии не произвели.

Особенно яркие, предельно выразительные примеры, обнажавшие сущность столыпинской реформы, можно было наблюдать в дореволюционном Казахстане. О каком техническом прогрессе могла идти речь, если акмолинские, кокчетавские, кустанайские и прочие кулаки не нуждались в механизированном земледелии! Не нужна была им механизация. Куда дешевле было и выгодней эксплуатировать русско-казахскую бедноту. Батраки обходились столыпинскому фермеру дешевле любой простейшей сельскохозяйственной машины.

Можно смело сказать, что такой варварской, хищнической обработки земли, какую практиковали кулаки в казахских степях, не знала ни одна губерния Российской империи. Арендуя у казахской бедноты землю на срок в пять лет, кулаки совершенно ее обескровливали и бросали, потом переключались на новые целинные массивы. Ни о каких, разумеется, агротехнических мероприятиях тут не могло быть и речи — кулак не нуждался в них. Он сеял до тех пор, пока земля давала богатый урожай, а затем арендовал у казахов новый участок — земли-то окрест было много.

Столыпинское «Особое степное положение» установило такой порядок, согласно которому казахи могли сдавать в аренду принадлежавшую им землю только «состоятельным русским людям», то-есть кулакам. Причем вопрос о сдаче земли в аренду мог решаться только съездом выборных волостных — крупнейших степных князьков-феодалов. Этим «положением» широко воспользовались влиятельные верхи дореволюционного казахского аула — аткаминеры, тотчас же занявшиеся от имени таких фиктивных съездов самой бессовестной распродажей не принадлежащих им земель. Сдавая в аренду русским кулакам земельные на-

дела казахской бедноты, они клали львиную долю арендной платы в собственный карман.

Идеологи столыпинской аграрной политики в лживых, ханжеских своих выступлениях болтали о том, что якобы к началу первой мировой войны, за шесть лет реакции, подавляющее большинство земледельческих хозяйств России экономически окрепло, поднялось и обогатилось. Однако В. И. Ленин доказал обратное. Опираясь на взятые из помещичьего журнала «Русская мысль» цифрами и фактами, Владимир Ильич, в ответ на неумную болтовню реакционных писак, заявил, что ежели одна пятая часть земледельческих хозяйств действительно окрепла, то две пятых за это время дошли до полного разорения, а две пятых остались на прежнем уровне. В замечательной речи, подготовленной для думских большевиков к произнесению 10 апреля 1914 года в Государственной думе, Ленин писал:

«И помещик, дающий зимой под работу хлеб или деньги, вовсе не похож ни на «европейского» хозяина, ни на капиталиста-предпринимателя вообще... Усовершенствования производства не только ненужны при такой «системе хозяйства», а прямо *нежелательны* с ее точки зрения, *ненужны и вредны* для нее. Разоренный, нищий, голодный мужик с голодным скотом и убогими орудиями — вот что *нужно* для подобного помещичьего хозяйства, которое *увечивает* отсталость России и забитость крестьян»*.

3

Ранним утром лета 1954 года наш серебрянокрылый красавец «Ил», стартовав после бешеного разгона со взлетной площадки Алма-атинского аэродрома, лег курсом на север. Позади осталась зубчатая гряда обрамленного тянь-шаньскими елями и увенчанного вечными снегами хребта Заилийского Ала-Тау и потонувшая в садах и парках столица Казахской ССР Алма-Ата.

Впереди простирались уходящие в бесконечность,

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 292.

подернутые сиреневой дымкой полустепи-полупустыни Центрального Казахстана. И долгое время затем неприметно текла под плоскостями нашего самолета одна и та же, то темносерая, то шафранно-желтоватая равнина — край редких караванных троп, песчаных бурь и древних колодцев. Неживой и безмолвной казалась эта кремнистая и песчаная степь с высоты двух тысяч метров. И что-то первобытное и извечное было в суровом и строгом ее безмолвии и в той веселой пляске песчаных смерчей, которую долго наблюдали мы с борта самолета в мгlistом от зноя великом земном просторе.

Но вот впереди ослепительно блеснул изумрудно-зеленоватым своим оперением красавец Балхаш, и через несколько минут самолет шел, уже отражаясь в голубой бездне воды. Потoki жаркого солнечного света, хлынув в кабину, слепили глаза. Там, внизу, на заштылевшей зеркальной поверхности огромного озера, угадывались смутные очертания кильватерной колонны рыбацких шхун, а вдали чуть маячил, как в сновидении, полупризрачный, зыбкий лермонтовский парус...

А через четверть часа, заходя на посадку, мы уже шли, разворачиваясь, над бухтой Бертыс, в купоросно-зеленоватой воде которой отражались и редкие, раскиданные ветром кучевые облака и циклопические дымящиеся трубы раскинувшегося на южном ее побережье Балхашского медеплавильного завода — крупнейшего в Европе гиганта цветной металлургии. Огромные голубоватые шлейфы дыма, стлавшегося из труб, плыли над бухтой, пропадая и растворяясь в такой же зыбкой и голубой, сливающейся с небом морской дали озера.

Снизившись до двухсот метров, мы прошли над заводом и городом, любуясь из окна самолета величественной панорамой заводских корпусов, строгой планировкой городских кварталов, красотой многоэтажных, монументальных жилых и общественных зданий, суетливым оживлением на улицах, бульварах и скверах города. И трудно было представить, что всего каких-то полтора-два десятилетия тому назад на месте этого крупнейшего промышленного центра республики лежала такая же бесприютная полупустыня-полустепь, какой выглядит, впрочем, она и теперь на подступах

к южному берегу Балхаша, за чертой этого большого и шумного города.

Приземлившись на четверть часа на Балхашском аэродроме, мы ощутили знойное, сухое дыхание пустыни. Бурые, выжженные немилосердным солнцем и поросшие редкой нехитрой полынькой пески лежали вокруг. Ни завода, ни города, заслоненного голыми сопками, с аэродрома не было видно. И если бы не верхушки дымящихся заводских труб да чуть приметная цепочка длиннейшего железнодорожного состава, медленно удаляющегося в стрекочущий от зноя степной простор, то можно было бы почувствовать здесь себя пассажиром с самолета, совершившего вынужденную посадку в каком-то необитаемом, забытом людьми и богом краю.

Пролетая над Балхашом, я вспомнил чудесную песню заслуженного деятеля искусств Казахской ССР народного акына Шашубая, которую однажды слышал, сидя в доме гостеприимного певца казахской степи. Яркие, вдохновенные строки посвятил этот мастер народной поэзии прибалхашской пустыне и горячо любимому Балхашу.

Дремали берега твои,
Унылые всегда,
Не зная, что такое гул
Чудесного труда.
Он, этот гул, вокруг меня,
Куда ни погляжу —
Везде следы великих дел
Я тут же нахожу.
Взгляну направо — медьзавод
Бросает в небо дым.
Поднялся он в седой степи
Гигантом молодым.
Налево, за моей спиной,
Грохочет Коунрад.
Тяжелой медною рудой
Навеки он богат.
Фабричные гудки теперь
Я слышу ночью, днем.
Все это наше, все мое,
Все — мой родимый дом,
О люди новых, ярких дней!
Сыны мои, творцы!

В краю пустынном смело вы
Возводите дворцы.
Вдохнули жизнь мы в эту степь,
Где беркут лишь порой
Летал, как призрак, чтоб затем
Исчезнуть за горой.
Ты, партия большевиков,
Народ советский, ты
Преобразили степь мою,
Ее лица черты.
О родина моя, Балхаш, —
Богатств священных клад,
Далекий парус на ветру,
Листвой звенящий сад!
Пою... И слезы на глазах,
И песня хороша.
В ней отблеск меди и волны,
В ней слава Балхаша!

В буфете аэропорта нам предлагают салат из свежих помидоров, огурцов, зеленого лука. За стеклянной витриной на буфетной стойке красуются огромные арбузы и дыни. Кто-то из пассажиров изумляется этому изобилию овощей.

— Неужели все это доставляется самолетом из Алма-Аты?

— С какой стати! — обидчиво откликается юная официантка в накрахмаленном кружевном чепчике. — У нас, будьте покойны, своих овощей вдоволь!

— С каких это пор?

— А вы что, с неба упали? — замечает, смеясь, официантка.

— Фактически — да. Только что приземлились...

— А вы бы съездили в город да полюбовались, какие чудеса в заводском подсобном хозяйстве у нас творятся, не так бы еще удивились, — решительно вмешивается в разговор тучный, но необыкновенно подвижной человек в синей спецовке. — Да что там говорить о подсобном хозяйстве, когда теперь у нас в Балхаше и индивидуальные огороды не редкость. А вы извольте отведать, какие отменные помидоры мы тут выращиваем — объединение!

К разговору горячо подключается еще один пассажир:

— Я по профессии инженер-металлург, а по душевному складу огородник. В земле, доложу вам, люблю

ковыряться с не меньшим азартом и увлечением, чем ломать голову над новыми методами в технологии сплавов цветных металлов... В Балхаше живу и работаю пятнадцатый год. Можно сказать -- абориген, старожил. На моих глазах каждое деревцо здесь принялось, и бульвары, и скверы в городе разрослись — сердце радуется. А ведь были и тут маловеры и нытики! Мы — за огород, а они безнадежно руками машут: ничего, дескать, у вас из этой затеи не выйдет, зря, мол, любезные, трудитесь. А теперь многие из них и сами отпетыми садоводами и огородниками стали. И такие помидоры, арбузы и дыни на своих участках выращивают, что и сами иной раз глазам своим не верят.

— Трудно и поверить.

— Мичуринская биология — мать плодородия. В этом я убедился, батенька, на личном опыте, — продолжал инженер, разделявая ножом на тарелке сочный, кроваво-красный арбуз. — Если бы мы не научились здесь с боем брать от природы все, что она может дать, то и по сей день смотрели бы на эти вот арбузы, дыни и помидоры, как на редкое заморское лакомство. А теперь — впору самим экспортировать наши овощи в любую сторону. Да мы, в сущности, и экспортируем их. Снабжаем из подсобного хозяйства горняков Джек-казгана и Коунрада. Не в обиду на нас за эти овощи и странствующие вокруг геологи и строители новой железнодорожной линии — Моинты-Чу...

Смуглолицая юная девушка в накрахмаленном чепчике, провожая нас к самолету, сказала, весело махнув рукой:

— Счастливого полета, друзья! Бывайте у нас почаще. Сегодня мы угощаем своих пассажиров собственными овощами, а скоро станем потчевать и собственными фруктами.

И мне невольно припомнилось, как, неоднократно пролетая в прошлые годы через Балхаш, я обычно выслушивал здесь одни и те же жалобы на бесплодие песчаной земли, на отсутствие собственных овощей и фруктов. И теперь было приятно услышать тут совсем другой разговор от людей, сумевших за последние годы подчинить своей беспокойной творческой мысли и воле не ахти как отзывчивую в этих широтах,

не избалованную ни дождями, ни почвенной влагой, скупую на растительный мир природу. И напутственные слова юной балхашской патриотки прозвучали теперь для нас далеко не наивной шуткой. Что ж, сумели же вырастить здесь чудесные овощи, сумеют со временем вырастить и не менее чудесные фрукты.

...Снова неистовый рев моторов, снова легкий, едва ощутимый толчок при взлете, и самолет опять в воздухе. В последний раз блеснуло на солнце и тотчас погасло под плоскостями самолета жемчужное крыло Бертысской бухты. Исчезли вдаль, как корабельные мачты в морском просторе, трубы балхашского гиганта. И опять неприметно текла вниз, на глубине двух тысяч метров под нами, подернутая легкой голубоватой дымкой, изрезанная теперь глубокими впадинами, холмами и сопками, похожая на огромную рельефную карту земля Центрального Казахстана. Слева заметны поблескивающие под солнцем стальные нити железнодорожной магистрали, связывающей город меди с его промышленными сверстниками и братьями, с городами руды и угля — Коунрадом и Карагандой, справа долго маячил в знойной, мерцающей дымке своими островерхими грифельными сопками Джекказган — величайшая из подземных кладовых драгоценных цветных руд.

Мы пролетали теперь над теми самыми местами, которые имел в виду небезызвестный хищник английского империализма сэр Лесли Уркварт, нагло писавший Главному концессионному комитету Советской России в 1920 году о том, чтобы дали ему «возможность поковыряться в киргизской степи около Балхаша и дальше. Раньше чем через пятьдесят, а может быть, и все сто лет, — цинично заявлял Уркварт, — вы этими местами все равно не займетесь».

История показала, как жестоко просчитался этот обнаглевший волк, норотивший пробраться в подземные кладовые казахской земли для того, чтобы поживиться несметными ее сокровищами. Нет, не сто и не пятьдесят, а всего-навсего одно десятилетие потребовалось большевикам, чтобы превратить этот некогда пустынный и дикий край в цветущую индустриально-промышленную зону советского Казахстана!

...Второй час полета. Прорвав фронт сплошной облачности, мы вдруг оказались над Карагандой.

Один из наших спутников — это был инженер-геолог Иван Иванович Фролов — сказал, любуясь панорамой большого города из окна кабины:

— Я подсчитал однажды и ахнул; оказывается, за одни только сутки карагандинские шахтеры выдают теперь на-гора в несколько сот раз больше угля, чем здесь добыли его за все время эксплуататоры Карагандинских угольных копей — английские концессионеры! Я хорошо помню Караганду начала тридцатых годов. На месте этого города в то время было несколько жалких землянок да пять или шесть ветхих барачков. А теперь полюбуйтесь — огромный индустриальный город! Разве это не чудо?

Не успели мы налюбоваться панорамой Караганды, как самолет шел уже над другим крупным промышленным центром Казахстана — над городом металлургов и энергетиков, раскинувшимся на берегу гигантского водохранилища, — Темир-Тау.

— К Караганде мы уже попривыкли, — заговорил опять инженер Фролов. — А вот это, я вам должен заметить, товарищи, воистину настоящее чудо! Пять или шесть лет тому назад здесь ютился один неприметный с воздуха поселок. Ни заводов, ни вот этого озера, ни города и в помине не было.

Самолет уносил нас все дальше и дальше на север. За Темир-Тау, по ту сторону невеликой перехваченной железобетонной плотинной степной речки Нуры, начались вековые ковыльные степи. И чем ближе мы были к Акмолинску, тем чаще степь обретала золотисто-шафранную окраску. Это от обилия сплошных массивов созревшего хлеба и воскового отблеска обнаженной стерни на убранных нивах. Там, внизу, на колхозных полях была сейчас ключом напряженная трудовая жизнь — уборка была в разгаре. То и дело попадали теперь в поле нашего зрения многочисленные тракторы и комбайны, едва приметные с высоты среди необозримых пашен и нив; и колонны грузовых автомашин пылили по окрестным степным дорогам.

Это уже был Северный Казахстан — золотое дно Казахской республики.

В Акмолинске, пересев с самолета на автомашину, мы выехали по старому скотопроезному тракту на Атбасар. Хотелось проехать по тому же маршруту, по которому проезжал я не раз в прошлом, лет десять-пятнадцать назад. Маршрут этот лежал через районы вековых целинных земель Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей.

И вот, покинув шумный и пыльный, оглушивший нас ревом паровозных гудков, неузнаваемо выросший за последние годы Акмолинск, мы — как в море с попутным ветром — ушли на вездеходе в великий степной простор. И снова я видел за дни своих странствий и розовые от утренних и вечерних зорь ковыли степей Атбасара, и легендарные сопки прославленного на всю страну Борового, и скромные березовые перелески североказахстанских равнин.

Как и в прошлые мои поездки по этим близким сердцу северным местам, был я и ныне свидетелем многих великих перемен, свершившихся в колхозных аулах и селах за последние годы. Снова я встретил в пути немало интересных, глубоко взволновавших меня людей, о которых хотелось бы написать столь же скромно и просто, сколь предельно скромны, непри-
нужденно просты и идейно ясны эти рядовые советские люди — труженики колхозных полей: руководители сельхозартелей и полеводы, комбайнеры и лобогрейщики, трактористы и участковые агрономы — мастера и новаторы социалистического земледелия. Никогда не забудутся эти встретившиеся мне на полевых станах и на колхозных токах загорелые, трудолюбивые, веселые люди, как не забудется и милый сердцу сухой медовый запах тяжеловесного золотого зерна и густой бражный аромат свежей пшеничной соломы. Не забыть мне бронзовых степных закатов над золотящимися в вечерней мгле нивами, как не забыть и мирных бесед наших с колхозными хлеборобами у ночных костров, как не забыть и тех веселых или тревожных русских песен, которые певали девчата по вечерам, глядя в степную даль...

Первое, что поражает при выезде из Акмолинска, — это иной, новый, непривычный облик здешней степи, который обрела она в Северном Казахстане за лето 1954 года. Навсегда здесь исчезло бывшее царство великой, не тронутой лемехом, покрытой седым ковылем целины. Куда ни взглянешь, везде и всюду — от Акмолинска до Атбасара и от Атбасара до самого Петропавловска — простираются массивы поднятой целины. Тучные нивы созревшей, но местами еще неубранной пшеницы чередуются с огромными массивами заново поднятой целины, с любовно, по-хозяйски обработанными парами. Кругом — пашни, пашни и пашни! А ведь еще минувшей весной здесь шумело открытое море девственных ковылей. От села до села по левобережью Ишима бывало и за день не доскачешь. Так, например, на протяжении ста километров, между селами Петровским и Вознесенским, год тому назад можно было встретить всего несколько сот гектаров пашни, принадлежавшей единственному здесь колхозу «Мартук».

По решению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства Казахстану отведено значительное место в освоении целинных и залежных земель.

Выполняя это задание, колхозы и совхозы республики подняли под урожай 1955 года восемь с половиной миллионов гектаров целины, перевыполнив план на два миллиона 200 тысяч гектаров. Таким образом, посевная площадь в республике под урожай 1955 года возрастет до девятнадцати миллионов гектаров, против 9 миллионов 700 тысяч гектаров в 1953 году.

Запоздалая, холодная весна 1954 года не помешала труженикам колхозов и совхозов республики провести весенний сев по парам, зяби и хорошо обработанной целине в предельно сжатые сроки и вырастить богатый урожай пшеницы, проса, овса, ячменя, кормовых и технических культур. В итоге республика досрочно выполнила государственный план сдачи хлеба. Здесь было заготовлено и сдано государству в 1954 году 242 миллиона пудов зерна. Это значительно больше того, что обычно заготавливалось в Казахстане прежде. И вот что еще важно: более 70 процентов заготовленного хлеба составляет пшеница. Получила большое

развитие и другая важная культура — просо. Его здесь заготовлено в 1954 году больше, чем за последние пять лет, вместе взятых.

В успехе заготовок этого года сыграли огромную роль изменения, внесенные партией и правительством в систему заготовок и закупок. Эти изменения, как известно, были направлены на повышение материального благосостояния колхозов и колхозников.

В 1954 году колхозники Казахстана продали государству вдвое больше зерна, чем в 1953 году. Колхозы одной только Павлодарской области получили в этом году за сданный в счет обязательных поставок и проданный государству хлеб сотни миллионов рублей дохода. Из 184 колхозов этой области 150 получили доход от одного до семи миллионов рублей, в то время как в 1953 году доход свыше миллиона получили здесь только 17 колхозов. Каждый трудоспособный колхозник получил в среднем более одной тонны хлеба и по пять-семь рублей деньгами на трудодень.

Больших успехов в 1954 году добились и работники МТС Казахской республики. По сравнению с 1953 годом они вспахали на 15 миллионов гектаров больше. Выработка на трактор увеличилась на 50 с лишним гектаров.

Намного улучшилось использование тракторного парка и в совхозах Казахстана. Достаточно сказать, что в 1954 году выработка на трактор в зерносовхозах республики превысила на 134 гектара выработку предшествующего года.

Все это результат самоотверженного труда хлеборобов, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, рабочих и служащих городов, оказавших большую помощь колхозам в уборке богатого урожая.

Эти успехи являются результатом огромной помощи, оказанной партией и правительством социалистическому сельскому хозяйству Казахстана в оснащении МТС и совхозов тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами, результатом огромной помощи в укреплении кадров механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

В связи с освоением целинных земель хозяйство

зерновых районов республики становится огромным и сложным. Это можно видеть на примере Рузаевского района Кокчетавской области. Этот район в 1955 году засеет полмиллиона гектаров, а Есильский район Акмолинской области в 1956 году — 1 миллион 200 тысяч гектаров. Это равно посевам, произведенным в 1953 году всей Акмолинской областью.

Работа по освоению целинных земель в Казахстане, проведенная в 1954 году, не исчерпывает местных возможностей. Под урожай 1956 года в республике намечено поднять в 1955 году 9 миллионов гектаров целинных земель. Специальными экспедициями обследовано в 1954 году более 80 миллионов гектаров пахотнособной целины. Основная масса этой земли выделяется для организации новых крупных зерновых совхозов.

Опыт создания в 1954 году в Казахстане 93 зерновых совхозов показал, что организация новых совхозов является наиболее целесообразной формой освоения целинных и залежных земель и увеличения производства зерна. Специализированные зерновые совхозы с большими посевными площадями при той высокой организованности производства, что присуща социалистическому хозяйству, при умелом использовании богатейшей техники, — все это даст стране огромное количество наиболее дешевого хлеба. Уже в 1954 году новые совхозы Павлодарского и Акмолинского трестов дали государству хлеб по себестоимости ниже плановой.

Сейчас в Казахстане идет горячая работа по организации около 250 новых зерновых совхозов. Осенью 1954 года уже выбраны места для строительства центральных усадеб и развернулись работы по хозяйственному благоустройству, по жилищному строительству, водоснабжению, по закреплению в натуре земельных участков, по подготовке к приему нового потока патриотов-добровольцев, едущих со всех концов страны на освоение целинных земель.

В итоге претворения в жизнь исторических решений партии и правительства по освоению целинных и залежных земель общая посевная площадь в Казахстане достигнет в 1956 году 23 миллионов гектаров против 9 миллионов 700 тысяч гектаров в 1953 году. А валово-

вой сбор зерна возрастет за это время в два с половиной — три раза.

Освоение громадных массивов вековой целины в степях Казахстана вызвало огромные, разительные изменения в культуре и экономике республики. В пустынных, вчера еще безлюдных степях возникли и продолжают возникать благоустроенные поселки новых зерновых совхозов и МТС. В сущности, эти поселки превращаются в благоустроенные городки, в культурные центры с их совершенной телефонной связью, телеграфом и радио, почтой и школами, больницами и детскими домами.

Развернулось широкое строительство усовершенствованных грейдерных и узкоколейных железных дорог. Здесь уже возникло немало предприятий по производству строительных материалов и заводов сельскохозяйственного машиностроения.

В 1955 году в Казахстане начнется массовое производство стандартных жилых одноквартирных домов из камышита. Этот прочный, очень теплый и уютный дом из двух комнат, кухни и кладовой, с полезной площадью в 40 квадратных метров будет стоить всего лишь около 10 тысяч рублей. За один 1955 год республика рассчитывает построить 50 тысяч, а в 1956 году — 100 тысяч таких домов, предназначенных главным образом для работников новых зерновых совхозов.

1954 год выдвинул тысячи новых мастеров земледелия в колхозах и совхозах. Массовый трудовой подъем в колхозных деревнях и аулах свидетельствует о том, что у тружеников социалистических полей нет более важной заботы, чем забота об умножении общественной социалистической собственности и об укреплении могущества Родины. Мастера высоких урожаев есть теперь в каждом колхозном селе и ауле республики. Многочисленные примеры наших колхозов и совхозов, блестяще осваивающих передовые достижения агробиологической науки, приближают осуществление мечты замечательного советского ученого почвовед и агробиолога Василия Робертовича Вильямса, утверждавшего: *«Земля будет работать на социализм. Невиданные в мире урожаи способна собирать страна*

Советов, и я верю, что недалёк тот час, когда 100 центнеров с гектара будет средним урожаем моей родины».

Такие мастера, новаторы колхозной земли, как известные теперь на всю страну казахстанские колхозники лауреаты Сталинской премии просовод Чаганак Берсенов, рисоводы Ибрай Жахаев и Ким Май Сам, рекордсменка по выращиванию свеклы Ольга Гонаженко, доказали на практике всему миру правоту корифея отечественной агробиологической науки В. Р. Вильямса. Да, земля Страны Советов способна родить не только по 100 центнеров, но и по 200 центнеров зерна и по 1 700 центнеров свеклы на каждом гектаре!

Полвека тому назад Лев Николаевич Толстой опубликовал весьма любопытную книгу, написанную крестьянином бывшего Минусинского уезда Тимофеем Бондаревым. В этой книге, озаглавленной «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», автор писал: «Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас на свете, не работающим хлеб на себя. Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя, своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских, ни в каких писаниях хлебный труд и трудящиеся не ободряются, а донельзя унижаются?»

И далее: «Сколько много на свете уму непостижимых хитростей, на всякое изделие придуманы машины: где бы нужно сто человек работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает, хлебная же работа, как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются».

В этой простой, правдивой, написанной кровью человеческого сердца крестьянской исповеди запечатлен безрадостный каторжный труд задавленного беспросветной нуждой и гнетом буржуазно-помещичьего строя русского мужика. Автор этого скорбного и гневного сочинения был, бесспорно, одаренным, талантливым русским земледельцем — это чувствуется в каждой строке его глубоко волнующей, искренней книги. Но не было и не могло быть в ту недавнюю и навсегда ушедшую дореволюционную пору никаких условий для

вдохновенного, творческого труда мастеров земли, талантливых и самобытных умельцев земледелия. Ссылаясь на разные «хитрости» и машины, применявшиеся в те времена в капиталистической промышленности, минусинский хлебороб не мог назвать ни одной доступной ему машины и «хитрости», при помощи которой он мог бы облегчить тяжелый и неблагодарный в то время свой труд. Миллионы русских земледельцев, занятых «хлебной работой», гнули в три погибели спины за древней сохой, единственной «техникой» деревенской бедноты.

Полвека спустя после обнародования Л. Н. Толстым сочинения Тимофея Бондарева казахстанская колхозница лауреат Сталинской премии Ольга Калистратовна Гонаженко тоже опубликовала книжку: «Мой опыт выращивания высоких урожаев сахарной свеклы». И если сочинение минусинского крестьянина Тимофея Бондарева мы называем скорбной, обличительно-гневной исповедью, то скромную книжку Героя Социалистического Труда Ольги Гонаженко можно назвать светлой, волнующей повестью советской крестьянки о радости творчества, о торжестве коллективного труда, о новой счастливой судьбе советского крестьянства. Эта скромная, простая женщина, вырастившая на колхозных полях небывалый в мире урожай сахарной свеклы, пишет в своей книжке о том, что «теперь крестьянин-колхозник в своем труде не один в поле воин, а член большого и дружного коллектива. Он постоянно чувствует локоть своих товарищей, творческую поддержку механизаторов, агрономов и ученых. Труд в коллективе стал для нас, советских крестьян, источником светлой радости».

Если одинокий, задавленный нуждой дореволюционный русский крестьянин Тимофей Бондарев в отчаянии готов был проклясть свою каторжную «хлебную работу», то труд колхозных мастеров земледелия дает людям счастье и радость. У Тимофея Бондарева мало было друзей в дореволюционной деревне. У Ольги Гонаженко их тысячи. Друзья этой талантливой самоотверженной труженицы везде и всюду: в советской Прибалтике и на Украине, в Узбекистане и на Дальнем Востоке, в солнечной Молдавии и на Дону. Ежедневно

Ольга Калистратовна получает письма от своих товарищей и подруг по земледельческому труду.

— Откуда только не пишут мне советские люди! — рассказывает Ольга Калистратовна. — Приятно сознавать, что твой скромный труд приносит пользу Родине. В 1949 году я получила по 1515 центнеров свеклы с гектара и с тех пор ежегодно снимаю такой урожай. А сейчас уже десятки колхозников и колхозниц-свекловодов пишут мне со всех концов Советского Союза, что они, добившись на своих полях такого же урожая, обязуются дать по две тысячи центнеров свеклы в 1955 году. И мы вырастим такой урожай, потому что любовно обработанная колхозная земля, по-моему, не имеет урожаем предела.

То, о чем мечтал полвека назад автор скорбной и гневной книжки Тимофей Бондарев, достигнуто нашим крестьянством при колхозном строе. Об этом просто и скромно рассказала в своей книжке крестьянка, новатор земледелия Ольга Гонаженко.

Ничто внешне не выделяет эту невеликую ростом, скромную до робости русскую женщину из среды ее подруг по бригаде. Необыкновенно живые, шустрые глаза с искорками лукавства придают ее облику много той юношеской непосредственности, которая заслоняет иногда более зрелый возраст, и потому такие люди всегда кажутся значительно моложе своих лет. Склонная с виду к робости и смущению в разговоре с не-близко знакомыми людьми, она совсем по-иному выглядит в кругу своих веселых, бойких и общительных подруг — ее верных помощниц в нелегком новаторском труде. Ни следа скованности в движениях, ни тени робости и смущения не остается в этой женщине, как только оказывается она в кругу привычных своих дел и забот на свекловичной плантации.

Никогда не засекречивая ни от односельчан, ни от колхозников других артелей своих новаторских методов ухода за посевами, Ольга тем не менее часто, уединившись с девушками, членами своей бригады, подолгу заговорщицки перешептывается все об одном, все о том же: а не рискнуть ли применить некое новое удобрение, о котором вычитала она вчера в попавшейся под руку книжке по агротехнике? Не подкормить

ли свеклу новым минеральным составом, который, как ей думается, пойдет впрок? Любая творческая догадка, изобретательность и смекалка этого талантливого организатора свекловодов предварительно горячо обсуждается всеми членами бригады и только потом получает практическое применение в труде.

Вот почему, может быть, она и не охотница говорить о своих личных успехах.

— Да я-то тут при чем! Это мои девчата. Золотые руки, цены нет! — с непритворной гордостью и восторгом говорит она.

А когда станешь разговаривать с этими девушками, то они, перебивая одна другую, шумно возражают:

— Ну, мы — дело пятое. Это все наша Ольга придумала...

Таковы нынешние крестьяне.

Успех Ольги Гонаженко и Чаганака Берсиева, Ибря Жахаева и Ким Ман Сама, Тимофея Федоровича Мальцева, Андрея Петровича Румянцева и сотен других казахстанских Героев Социалистического Труда, добившихся рекордных урожаев зерна, свеклы, риса, проса, — яркое свидетельство того, что покорение природы — это уже не мечта колхозных земледельцев, а реальная действительность. Зерновые области Северного Казахстана по праву слынут за житницу Казахстана, как Казахстан в целом по праву называется теперь мощной зерновой базой на востоке нашего великого Отечества.

Мастера земледелия Казахской республики — громадная армия прочно обжившихся на целинных землях ее новоселов, освоивших миллионы гектаров плодороднейших, веками нетронутых лемехом земель, — готовы к новым трудовым подвигам в великой битве за высокие урожаи 1955 года.

Сельское хозяйство советского Казахстана столь же богато и разнообразно, как богата и разнообразна его природа. Если север республики с его безбрежными ковыльными степями — громадным резервом целинных земель — является житницей республики, то юг — это край белого золота — хлопковых плантаций — и рисовых полей, край зимующего без укрытий винограда, зона зарослей грецкого ореха, фисташки и миндаля.

В областях же, примыкающих к предгорьям Тянь-Шаня, находятся богатейшие сельскохозяйственные районы республики, земли которых в изобилии орошаются многочисленными горными реками, где, помимо основной зерновой культуры — пшеницы, выращиваются рекордные урожаи сахарной свеклы и душистых табаков, кунжута и роскошных плодов садоводства. В дельте реки Сыр-Дарьи в 1955 году будет значительно расширено производство риса.

Подходит к концу строительство Кзыл-Ордынской плотины на Сыр-Дарье, что позволит оросить огромные массивы земли.

В конце 1954 года развернулось строительство Арысь-Туркестанского канала, который даст воду сотням тысяч гектаров плодороднейшей земли и позволит намного расширить хлопководство в Южном Казахстане.

И коренные жители и новоселы этой богатейшей республики отчетливо представляют себе всю ответственность и сложность задач, стоящих перед Казахстаном по увеличению производства зерна, расширению производства технических культур и улучшению материального благосостояния трудящихся. Вот почему с таким небывалым творческим подъемом трудятся механизаторы и полеводы над решением гигантских задач, поставленных перед республикой Коммунистической партией и Советским правительством.

ВЕСНА НА ДОРОГАХ

1

В скором поезде Караганда — Москва, остановившемся на станции Петропавловск, оказалось всего семь свободных мест и те — мягкие. Суровый старик в дубленой сибирской борчатке, похожий на Льва Толстого, стоявший первым у билетной кассы, рассердился и стал пенять хорошенькой юной кассирше:

— Тридцать пять рублей? Это за сорок-то верст?! Креста на тебе, матушка, нет!

— Странные ваши слова, — отвечала укоризненно притворно строгая кассирша. — Поезд скорый, вагон, повторяю, мягкий...

— Ну, мы ишо пока не миллионеры деньгами-то сорить. Я оттуда за семь с полтиной прибыл, барышня!

— Правильно. С семьдесят четвертым. С пассажирским. В бесплацкартном вагоне, в сидячем. Точно, семь пятьдесят.

— Вагон был — куды с добром, чистая горница! И цена божеская, не по целковому с версты!

В нетерпеливой пассажирской очереди, вдруг пришедшей в движение, заворчали на замешкавшегося около кассы строптивного старика. Бравый парень в пепельно-сером ватнике, с вещевым мешком за плечами, стоявший вторым от кассы, сказал, слегка коснувшись рукой плеча старика:

— Ты, отец, не рядись. Вечером же пятьсот веселый идет. Там за тройк со свистом доедешь. Куда торопиться? Тебе ведь небось не целину подымать!

Я свое отподымал, сынок... — угрюмо проговорил старик, и из-под дремучих седых бровей его сверкнули на парня глаза, не по возрасту ясные и озорные.

— Тогда посторонись маленько, папаша.

— А у тебя горит?

— Горит, батя.

— Орел! — полуудивленно, полунасмешливо сказал старик и тотчас же посторонился, уступая парню место у кассы.

— Так как, братва, насчет мягкого? Рискнем? — спросил парень стоявших в затылок за ним пятерых спутников.

Те переглянулись. Это были ребята один к одному. Все в одинаковых пепельно-серых стеганках, щегольски перехваченных армейскими ремнями, все в новых кирзовых сапогах, в лихо заломленных набекрень шапках-ушанках. У всех были одинаковые, туго набитые вешевые мешки за плечами. Один держал в руках патефон, другой — самый юный из спутников — красовался со старенькой шестиструнной балалайкой под мышкой.

Парень с патефоном заговорщицки перешепнулся с соседом:

— Может, один-то перегон и на ура проскочим, а?

— Можно бы и на ура, только, если на ревизора напоремся, у меня лично денег при себе на штраф не хватит, — сказал, застенчиво улыбаясь, парень с балалайкой.

Мимолетное колебание, однако, не помешало ребятам тут же всем враз дружно и весело наказывать парню у кассы:

— Крой ва-банк, бригадир!

— Не пятьсот же веселого ждать!

— Откупай два купе, чего там!

Седьмое свободное место благодаря покупившемуся сердитому старику досталось мне, и через четверть часа мы уже расположились с ребятами в двух комфортабельных смежных купе мягкого вагона, как

заправские пассажиры дальнего следования, хотя и ехать-то нам было всего одну остановку.

Парень, которого называли ребята бригадиром, сказал, оглядывая важно развалившихся на мягких диванах спутников:

— Культурно устроились. Как министры. А ну, Ваня, — обратился он к парню с балалайкой, — выдай по этому случаю твою ту полечку, как бишь она называется?

— С комплиментами!

— Вот, вот, эту самую, — подхватил бригадир. — Оторви.

Поезд неслышно тронулся, и в тот же миг брызнули озорные, искрящиеся звуки балалайки — старенькой, неказистой, но неожиданно певучей и удивительно звончатой. Затем на секунду звуки умолкли и снова вырвались, как бурный вешний ручей из-под снега. Струны то заливались жаворонком, купающимся в потоках весеннего тепла и света, то отбивали соловьиную трель, то начинали звенеть, как серебряный девичий смех, полный огненного задора и невинного лукавства.

Тут бригадира словно ветром сорвало с места, и он, картинно придерживая в воздухе невесомую руку воображаемой своей партнерши по танцу, чисто отработал послушными на лихую пляску ногами несколько заковыристых фигур. И положительно невозможно было определить, кто был одареннее: самодеятельный ли, застенчиво улыбавшийся музыкант с его старенькой балалайкой или отплясывавший под его игру бригадир с его врожденными задатками самобытного артиста.

После столь мгновенной и яркой вспышки художественной самодеятельности мы — слово за слово — разговорились. Ребята оказались моими попутчиками до конца неблизкого пути. Это были трактористы, прибывшие в наши края на освоение целинных земель с далекой Кубани. Задержавшись в тресте с оформлением путевок, они запоздали на предыдущий поезд, с которым уехали их товарищи, и теперь торопились поскорее добраться следом за земляками до места своего новоселья.

Не успели мы толком перезнакомиться, как проводник предупредил нас: приготовиться к выходу! Путе-

шествие с удобствами завершалось. Далее нам предстояло преодолеть нелегкий двухсотпятидесятикилометровый путь на попутных грузовых автомашинных по историческим местам, затопленным и размывным полноводной водой проселочным дорогам, что пролегли к югу от Великого Сибирского пути, вглубь овечьих дымок североказахстанских степей, в зону строительства новых зерносовхозов. Четверо из моих спутников с комсомольскими путевками рвались по дороге к началу подъема целины в Джамбулском зерносовхозе, двое остальных спешили в совхоз Украинский. Оба эти совхоза были соседями и базировались пока что в открытой степи на целинных землях Пресновского района.

Невеликая, вчера еще мало приметная на Транссибирской магистрали железнодорожная станция Мамлютка, где мы спешили со скорого поезда, выглядела теперь непривычно-многолюдной, шумной и оживленной. Она напоминала сейчас бойкий сортировочный узел на подступах к большому индустриальному городу или же огромную заводскую площадку — такой непрерывный металлический скрежет, грохот и гул царили на станционных ее путях, забитых платформами с уникальной отечественной техникой, и так гудела нерасквашенная еще прилоздившей весной земля от волнообразного рокота тракторных и автомобильных моторов в просторных степных ее окрестностях.

Напряженно и бурно бился здесь пульс волнующей новизной торжествующей жизни. Всюду, куда ни глянь, дружно и споро работали люди с явной душевной охотой, с веселым сердцем, засучив рукава. В одном месте разгружались платформы с дизельными тракторами, дисковыми боронами, сеялками и пятикорпусными плугами; в другом — представители МТС и экспедиторы новых зерносовхозов принимали по актам только что прибывшие в их адрес бензовозы; в третьем — устанавливали на специальные тракторы-прицепы огромную цистерну емкостью в 50 тонн; в четвертом — грузили на автомашины стандартные детали сборных домов и тюки походных палаток, луженые котлы и армейские кухни, катушки телефонного провода и компактное оборудование полевых раций. Это был

драгоценный груз, присланный Родиной пионерам освоения целинных земель. И надо было видеть, как бережно обращались с этим грузом непраздные руки благодарных людей, готовых к подвигам в великой народной битве за превращение древней, седой от вековых ковылей земли в дремучие, как камышовые займища, залитые потоками света и золотым дождем плодородия нивы...

В расчете на встречу с попутными грузовыми автомашинами мы выбрались с ребятами на грейдированный тракт и, облюбовав на обочине место посуше, расположились на привал походным биваком.

Припекало. Над пестрой от нечастых пока проталин степью текли трепетные, призрачно мерцающие вдали струйки марев. Невесомые, как газовые девичьи шарфы, облака кой-где приметились в синем, пронизанном сквозным светом небе. На большой высоте шли — косяк к косяку — возвращающиеся в наши края с уютных чужих берегов дикие гуси, и сдержанно радостный гогот их томил, волновал и тревожил душу.

— Есть предложение — заправиться, земляки, — сказал Василий Ганжело, тот, кого величали бригадиром.

— Порядок. Есть заправиться! — с живостью отозвался на его предложение веснушчатый парень и, ловко подкинув в центр нашего полукруга свой вещевой мешок, с услужливой расторопностью достал из него хлеб и три увесистые плитки свиного сала.

Другой парень столь же поспешно разостлал на земле развернутую газету, которую только что молча читал. Стол был накрыт. Сдвинувшись потеснее, мы на равных правах принялись за нехитрое угощение с тем аппетитом, какой знаком только дорожным людям и земледельцам, познавшим сладость простой и здоровой пищи в степи, на вольном весеннем ветру, под открытым небом.

— Хлеб да соль, молодцы! — прозвучал вдруг над нами глуховатый доброжелательный голос.

Взбросив глаза, мы опешили: перед нами стоял знакомый уже старик, похожий на Льва Толстого.

— Вот номер! — с восторгом воскликнул парень с веснушками, глядя на невозмутимого старика изу-

мленими, смеющимися глазами. — Да ты, отец, не на парашюте ли до нас приземлился?

— Не хуже того, сынок... Это ты ведь меня на пятьсот веселый обрек, а я не оробел да с курьерским прямым маршем и прибыл.

— Интересно девки пляшут! Да ведь билетов-то больше ни духу не было!

— Была бы, парень, смекалка...

— Неужели на ура прикатил, папаша?! И на штраф не нарвался? — с тревожным изумлением поспешно спросил старика владелец патефона и почти угрожающе посмотрел при этом на смущенно улыбнувшегося ему балабайщика.

— От штрафа уберег бог. Я на этот счет мужик обоудный, — проговорил с облегченным вздохом старик и, опустив усталым движением с плеча на землю крапивный мешок с дорожной поклажей, присел на него, сняв шапку.

— Силен! — заметил как бы про себя бригадир. — Тогда придвигайся, батя, к столу. Подкрепись с нами

— Благодарствую. Было дело.

Все помолчали. Потом один из ребят спросил:

— И далеко следуешь, папаша?

— А восвояси, сынок. Восвояси. В родной колхоз Верст триста отсюда. В степь, — скупно отозвался старик, неопределенно махнув рукой.

— Неволя же была тебе в такую распутицу триста верст киселя хлебать!

— Не в диковинку. Крепче поспится.

Видя, что старик не проявлял охоты к доверительной беседе с ними, ребята тоже как-то сразу замкнулись, оставив его в покое. Аппетитно уплетая ломт пышной сибирской булки вприкуску с янтарным кубасским салом, они заболтали между собой безобидный вздор о дорожных своих приключениях. Старик сначала слушал их веселую болтовню с видимым безучастием, а потом насторожился и, поняв, наконец, в дальнейших их разговорах, с кем свела его судьба на этой дороге, вдруг просветлел, и былая суровость его мгновенно исчезла. Пытливо приглядываясь к молодым спутникам нестарчески зоркими, полными живого любопытства глазами, он заговорил вдруг взволнованно

потирая свои большие, смолоду, видно, не привычные к праздности, грубоватые руки:

— Кубанцы?! Далеко залетели, орлы! В добрый час, в добрый час, молодцы! Великое дело начинаете. И нелегкое. Это не с курьерским поездом один перегон на ура прокатить. Шутка, полтора ста тысяч гектаров матерой земли за лето поднять, к примеру, в одном только нашем Пресновском районе, а по области, скажут, и в миллион не складешь! Такой почин только богатырям по плечу. Ну, да и армия в наших степях собралась, гляжу я, неробкая — молодец к молодцу, со всей России. И техники навалило — страсть подумывать! Ничего не скажешь, сила! Только в технику-то, сыновья, как в землю-матушку, ишо душу вложить надо. А земля в краях наших — золотое дно. Разработай ее с любовью, зашумят здесь хлеба, как моря, — не вычерпать!

— А вы что же, батя, коренной, тутошний? — уважительно спросил старика тронутый его доверительностью бригадир Ганжело.

— Теперь, можно сказать, коренной. С полвека уж как тут укоренился. Мы сюда с покойным родителем из Воронежской губернии на переселение вышли. Не от сладкой жизни переселялся наш брат тогда на край света, каким казалась в ту пору эта степь. Землей мы, правда, были здесь не обижены, да не у всех новоселов хватало силы разработать ее. Пароконным плужишком целины не ахти сколь подымешь. Для этого дела тройка добрых коней была нужна. А большинство таких, как мы с родителем, тогдашних переселенцев, с грехом пополам одной лошаденкой на новом месте обзаводились. А то, вконец разорившись за долгий путь, и этой радости не имели. Это вам нынче — все карты в руки, а мы бы и рады в ту пору выиграть, да у нас — ни козырей, ни масти.

Ребята, заинтересованно слушая старика, наперебой задавали ему вопросы:

— Чем же вы жили, отец, тогда?

— А тем, что землю свою с ходу — в аренду кулачью, а сами — в работники.

— Обратю к ним же?

— Как по заказу. Никуда не денешься.

— Веселая была жизнь! — насмешливо сказал один из трактористов, присвистнув.

— Вот так и веселили нашего брата эти варнаки, сказать вам про них по-сибирски, аж почти до новой нашей артельной жизни с тридцатого года. Было дело, погребли мы лопатами чистого золота с этих земель в их закрома невпроворот — горы горами. А сами всю жизнь перебивались на несладких чужих харчах с квасу на воду. Вспоминать начнешь, сердце захладевает.

— Ну, а нынче как тут живут?

— Не хуже добрых людей. Так я понимаю. От худой жизни мотоциклов и прочих там самокаток в драку бы в наших сельмагах не раскупали. Бабы и те, скажу, у нас в свою механизацию ударились. Сепараторы почти в каждом доме, швейные ножные машины красуются в каждой горнице. В нашем, к примеру, Ворошиловском колхозе многие электрическими чайниками, утюгами и плитками обзавелись. А иные бедовые девки, посмотришь, на работе и то в шелку форсят!

— Девки у вас здесь, батя, все, должно быть, бедовые, — сказал, крутнув с веселым отчаянием головой, тракторист с патефоном, не спуская при этом сверкающих глаз с двух девчат, проезжавших мимо по тракту на паре быков в бричке.

Девушки, стоя в обнимку, словно позабыв про своих сонно бредущих быков, пели озорные частушки, жестоко высмеивая ненаходчивых ухажеров. Заметив издали нездешних ребят на дороге, они явно адресовали эти полные задора и вызова скороговорчатые свои припевки им, хотя демонстративно и не смотрели в их сторону.

— Смотрите, у вас быки буксуют, девчата. А ну, дайте-ка им газку! — стремясь привлечь к себе хотя бы мимолетное внимание девушек, крикнул парень с патефоном.

Но девчата, не удостоив его ответом, только надменно поглядели в нашу сторону насмешливо прищуренными, позолотевшими от весеннего солнца глазами и снова как ни в чем не бывало дружно запели лихие свои частушки.

Ганжело, сделав вид, что не слышит ехидных девичьих припевок, спросил старика:

— И колхозы-миллионеры у вас водятся?

— А где же их нынче нету? — ответил тот на вопрос вопросом. — За одну прошлогоднюю осень у нас в Пресновском районе их сразу шестеро объявилось. Теперь очередь за остальными; у них прямая к тому дорога. Скажу опять же про свой колхоз Ворошилова. Мы в этом году четыре тыщи га целины осилим. Земля — чернозем в аршин. На таких пластах зачерпнем хлеба, впору хоть собственный элеватор строить! Вот вам и прямые миллионеры. А ведь не одним хлебом мы живы. И скота у нас по всем видам в достатке, и молодой плодоягодный сад не в убыток.

— Эге, да вы тут и сады разводите? — удивился кубанец.

— Взялись за ум. Спыхватились. Шестой год об этом пекусь. Курсы даже на старости лет проходил вот по садовому делу. Теперь и ворочаюсь домой вроде с высшим образованием... — заключил со смутной улыбкой старик и умолк, заслышав глуховатый издали, стремительно нарастающий рокот автомобильных моторов.

Спустя две-три минуты против нас на тракте остановилась колонна грузовых автомашин. В кузовах, битком набитых людьми, звучал неумолчный веселый и бойкий говор, звенел прозрачный и хрупкий, как родниковые ручейки, девичий смех, и в молодых, возбужденно-шумных, непоседливых пассажирах этих машин тотчас же можно было угадать издали прибывших в наши края новоселов. Спросили — правильно. Это была очередная партия добровольцев из Москвы, Ярославля, Киева, Одессы, прибывших в Северный Казахстан по комсомольским путевкам. Все они, пересев в Петропавловске с поезда на эти машины, ехали теперь к местам своего новоселья: в зерносовхозы и МТС, расположенные на целинных землях в глубине северо-казахстанских степей.

Нам с кубанскими трактористами было по пути. Не мешкая, погрузились в облюбованный нами, не столь густо набитый народом кузов новенького «ЗИСа», и шумная наша автоколонна тронулась под звуки крылатых молодежных песен в неблизкий, многих волнующий новизною путь.

Вперед простирались бескрайные, настезь распахнутые перед нами, залитые потоками внешней воды и яркого света степные просторы. Затерявшиеся в изумрудно-синей небесной бездне жаворонки славили первый теплый весенний день в незримые серебряные свирели. Далеко был слышен трубный, берущий за душу клич лебедей и восторженный говор опустившихся на озерное плесо, утомленных перелетом казарок.

Старый колхозный садовод, похожий на Льва Толстого, остался на тракте дожидаться попутной до своего колхоза машины. Стоя на обочине дороги, он напутственно помахал нам вслед своей мохнатой, похожей на казахский малахай шапкой, и пышная борода его, как поздний весенний снег меж проталин, сверкала на солнце алмазами...

А спустя пять дней, когда мы с уполномоченным ЦК КПСС по группе новых зерносовхозов тов. Утегалевым вошли в палатку дирекции Джамбулского совхоза, директор его Николай Яковлевич Татиевский взволнованно докладывал кому-то по радию:

— Сегодня с рассветом тракторная бригада красnodарца Василия Ганжело и бригада армавирца Ивана Острикова первыми в нашем совхозе начали внешнюю пахоту целины...

Рапорт директора подтверждался издалека долетавшим до стен брезентового шатра натруженным гулом дизельных моторов, который впервые за всю свою вековую историю услышала теперь эта древняя, богатая животворными соками, не скупая на плодородие степь.

2

Первая борозда на целине!

Худо спалось ребятам, трактористам и прицепщикам из бригады Василия Ганжело, в памятные апрельские ночи, в канун развернутого наступления на целину. Что-то не пахло пока весной ни в тесноватой, не ахти как теплой палатке, ни за ее зыбкими стенами, трещающими на неласковом студеном ветру. Мелкий нудный дождь, моросивший с обеда, перешел к вечеру в сухую, жесткую крупу, и окрестная степь показалась новоселам угрюмой и неприветливой.

Запоздалая весна долго еще куражилась над новоселами, словно испытывая их терпение, и некоторые из менее выносливых, -- были, разумеется, и такие, --- наддули губы, започесывали затылки, завздыхали по далекой, привычной и милой сердцу кубанской земле...

Что и говорить, не легко было некоторым из кубанских ребят и девушек сохранить былую жизнерадостность и врожденный задор среди столь непривычной обстановки, когда весна скорее походила на позднюю осень, а ледяной ветер прохватывал до костей и снег вдруг порошил и порошил над степью, как в ноябре!

Чуткий, наблюдательный бригадир Василий Ганжело заметил, что первым из его ребят на глазах у всех приуныл веснушчатый балалайщик Ваня Зыкин. Вместо озорной и лукавой «польки с комплиментами», под звуки которой любил лихо обрабатывать новую землю своими отзывчивыми ногами бригадир, Ваня, перестроив свою шестиструнку на минорный лад, все чаще и чаще томил и тревожил душу своих товарищей протяжными, не шибко радостными песнями. Уронив на плечо свою светловолосую голову, Ваня любил теперь вполголоса напевать:

— Всю Россию я проехал,
Всю Сибирь пешком прошел.
Всю Сибирь пешком прошел,
Нигде милой не нашел.

Хотя бригадир и догадывался, что впадал в уныние Ваня не только от вынужденного, утомившего всех безделья, от бытовых неудобств и на редкость безрадостной погоды, но и от неотзывчивой на его душевные порывы юной прицепщицы, однако это не нравилось бригадиру, и он, не выдержав, однажды грубовато оборвал музыканта:

— Ты, Иван, эту музыку брось. Не ко двору она нам. Не та, понимаешь, союзница в нашем деле!

Ваня обиделся, но, зная крутой нрав бригадира, смолчал. Вздохнув, он бережно отложил в сторону балалайку и, виновато улыбаясь, сказал:

— Для веселья земля эта пока мало оборудована!

— А ты думал тут калачи для тебя на березах висят?

— Какие уж там калачи, если и берез-то не видно...
Все засмеялись. Но это был не тот уж смех людей, которым сам чорт не брат, для которых вчера еще эта окрестная степь казалась морем по колено.

Нет, не ласково, не гостеприимно встретила бескрайняя североказахстанская равнина веселых и дружных, молодых и отважных людей — завтрашних ее покорителей. Отворив становые жилы своих бурных в весеннюю пору степных ручьев, займищ и рек, она преграждала дорогу колоннам груженых автомашин, и новоселы форсировали эти водные преграды с той же железной решимостью, с какой недавно форсировали их отцы и братья огненные рубежи на фронте. Трижды крещенные в ледяных купелях вешних вод, овеянные зябким дымом внезапных в такую пору метелей, просквозенные косыми, сшибавшими с ног ветрами, они прорвались к исходным рубежам великого наступления на целину, и не все из них в канун решающих атак сберегли ту внутреннюю собранность и волевою решимость, которые свойственны настоящим солдатам, готовым к горячей битве.

Одних дожимала в палатках не весенняя лютая стужа, других стало раздражать бытовое неустройство, третьих томила непогода — холодные дожди вперемежку со снегом...

И Василий Ганжело, ревниво присматриваясь к ребятам, видел и понимал все это. Впрочем, он знал, что для многих из них это было минутным настроением, мимолетным, проходящим проявлением душевного ослабления, и такие люди, как Ваня Зыкин с перестроенной на минорный лад балалайкой, не шибко тревожили настороженного бригадира.

Но были в его тракторном отряде и такие залетные птицы, которым Василий внутренне не доверял с первой же минуты встречи с ними. Одни из них отбились от коллектива на первых же порах — в пути или в тяжелые дни базирования в открытой степи под открытым небом, другие оставались пока что в тракторных отрядах, в строительных бригадах или толкались среди шоферов. Один из таких затесался в учетчики тракторной бригады Василия Ганжело.

Это был Виталий Важко — не в меру развязный, бой-

кий парень с красивыми нагловатыми глазами и манерами дамского парикмахера. В Краснодаре до поездки на целину, он, говорят, работал в авторемонтной базе не то экспедитором, не то снабженцем. Но было что-то не похоже, чтобы этот ловкий в движениях молодой человек имел когда-либо хоть какое-нибудь отношение к физическому труду. Странно было видеть в кругу затянутых армейскими ремнями, крепко сбитых, грубоватых с виду кубанских парней этого чужеродного для них человека в модном пальто с сомнительно широкими плечами, в зеленой велюровой шляпе.

Но дело вопреки поговорке было вовсе не в шляпе. Дело в данном случае оказалось в... гитаре, на которой очень эффектно играл учетчик. Впрочем, эффектно играл Виталий Важко не только на гитаре, а и... в карты и мало-помалу втянул в эту нечистую игру почти всех трактористов бригады. Искусно ведя игру «с переменным успехом», он в конце концов «обчистил» их всех, а застенчивый Ваня Зыкин в отчаянии проиграл этому жулику даже свою балалайку. И только благодаря резкому вмешательству взбешенного всем этим бригадира Ваня не лишился любимого своего инструмента, как равно и проигранных им под запал новеньких кирзовых сапог...

Что же касается гитары, то этот скромный лирический инструмент превратился в руках Важко в агрессивное оружие против девушек. Начиная лихой гитарист обычно с жестоких романсов, потом переходил к двусмысленным куплетам, которые он умел напевать сладко и вкрадчиво под собственный аккомпанемент, а кончал циничными приставаниями с угрозой применить «мертвую хватку».

Василий Ганжело не сразу разгадал в нем отщепенца и хулигана. Ему, видимо, не доводилось прежде сталкиваться с подобными типами, которые под внешним лоском и «культурными» манерами ловко скрывают свое грязное, гнилое нутро. Но как дело дошло до карт, Ганжело насторожился, почуяв в лихом гитаристе опасного врага. Этот человек мог разложить еще не окрепший в труде молодой коллектив.

Положение было неопределенное, муторное. Со дня на день, с часу на час все ждали приказа дирекции о

развернутом наступлении на целину. А приказа все не было. После запоздало бурного снеготаяния и чудовищной распутицы на дорогах весной 1954 года целинные степи снова сковало неслыханными в такую пору морозами. Земля звенела под кованым конским копытом, где ж тут было думать о пахоте! И трактористы, ютившиеся в тесных нежарких брезентовых палатках, вынуждены были томиться без дела и убивать время кто как мог. Тут-то и развернул свои «таланты» гитарист и картежник Важко.

Как-то под вечер, когда Василий Ганжело сидел над планом своего участка, к нему в палатку вбежала Валя Коврова. Она была чем-то взволнована, и по-детски пухлые яркие губы ее еле приметно дрожали.

— Что случилось, Валя? — с беспокойством спросил бригадир.

— Ничего выдающего... — замялась девушка и тут же поправилась: — Ничего выдающегося, девчата меня послали.

— Говори.

— Мы решили уйти из вашей бригады.

— Кто «мы»?

— Девчата все. И тетя Даша тоже.

— Как это уйти? Куда?

— Куда-нибудь. Ну хоть бы в строительные бригады. Там дело не терпит. И вообще...

— Что вообще?

— И вообще там сподручнее.

Из дальнейшего разговора Ганжело так и не мог понять толком, что заставило девушек принять столь неожиданное решение. Но по стеснительному поведению неробкой в других случаях Ковровой, по ее уклончивым ответам он все же догадался, что девчонки напугались не трудностей бивачной жизни, а чего-то другого, о чем Валя умалчивает. Василий пытался выведать это «что-то», но дипломат он был плохой и успеха не имел. Ему и в голову не приходило, что девчата бегут от Важко. Он уличил учетчика в шулерской карточной игре и, припугнув его прокурором, принудил возвратить попавшимся на удочку ребятам все выигранные у них личные вещи. Но он ничего не знал о ночных похождениях бравого гитариста. Поэтому

ничего не добившись от прицепщицы, бригадир отпустил ее, пообещав тотчас же доложить о ее просьбе дирекции. Но только успела уйти Валя, как явился не менее взволнованный Ваня Зыкин. Этот уже напрямую, с ходу раскрыл перед бригадиром все.

— Девчата не по своей охоте от нас уходят. От гитариста бегут. Боятся.

— Кого?

— Да я же говорю — гитариста. Он им проходу не дает. Грозится.

— Чем же они ему не угодили?

— Известно чем — не таковские...

Ганжело рассвирепел. Много не раздумывая, он решил немедленно избавить бригаду от сомнительного добровольца.

Но под вечер в таборе появился один руководящий товарищ из районного центра: тучный, рано ожиревший человек с сонными глазами. Выслушав бригадира, ответственный не одобрил его намерений.

— Нет, дорогой товарищ, — сказал глухим баском ожиревший, — тут надо поосторожнее. Важно, как вы говорите, патриот. Он сюда с путевкой приехал.

— Да какой же он, сукин сын, патриот, коли весь наш коллектив возмутил!

— Таких воспитывать надо. Всем коллективом, а не гнать.

— Ну хорошо, — сверкнув глазами, сказал Ганжело. — Мы его завтра воспитаем! — И, проводив заезжее начальство, в тот же вечер собрал на совет комсомольцев бригады. Было решено обсудить поведение учетчика на общем собрании бригады.

Собрание состоялось на другой день утром вблизи бивачных палаток.

Низкое, по-осеннему хмурое, мутносерое небо висело над пустынной степью. На макушках окрестных курганов ржавокрылые беркуты дремали, угрюмо сторожа извечную в этих краях тишину. Неуютно и студено было стоять на холодном ветру в это непогожее хмурое утро. Трактористы и прицепщики в туго подтянутых солдатскими ремнями серых ватниках выстроились вдоль колонны новых, необкатанных еще тракторов и были похожи сейчас на танкистов, готовых

к бою. И вообще что-то бесконечно волнующее, памятно фронтовое было в этом не совсем обычном собрании. Трактористов никто не приглашал строиться, они построились около тракторов в одну шеренгу, как это делали перед походом танкисты.

Правофланговой стояла дородная, недоступно строгая в эти минуты бригадная повариха тетя Даша. Левый фланг замыкал застенчивый Ваня Зыкин, выглядывавший сейчас еще более застенчивым рядом с озорной, бойко посверкивающей черными глазами Валей Ковровой. И только один меланхолично-рассеянный учетчик в небрежно сдвинутой набекрень зеленой валюровой шляпе стоял на отшибе от строя, как сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся вблизи чужих и непонятных ему людей.

Не было ни президиума, ни докладчика. Когда в последнюю минуту к стоявшему перед строем Василию Ганжелю присоединились подъехавшие на «газике» директор зерносовхоза В. П. Татиевский и партторг А. В. Бондарчук, бригадир сказал:

— Общебригадное собрание объявляю открытым.

Потом помолчал, покашлял, переступил с ноги на ногу и заговорил уже совсем обыденным, неофициальным, глуховатым своим голосом:

— Дело у нас короткое, товарищи. Мы прибыли сюда работать, а не речи говорить. Так я понимаю.

— Вот именно! — неожиданно подтвердил учетчик с вызывающе нагловатым смешком.

— А ты пока помолчи. Я за тебя скажу, — строго оборвал его бригадир.

— Ну, ну. Валяй. Послушаем, — сказал с напускным равнодушием Виталий Важко.

Было видно, что он не подозревал о значении этого собрания и потому держал себя со свойственной ему развязностью. Но, как и большинство людей его толка, он был труслив и тотчас же сжимался в комок перед силой, способной обескуражить и подавить его. Это хорошо знал Василий Ганжелю — он давно разгадал мелкую душу гитариста и потому сразу же перешел в наступление.

Не знаю, как вы, товарищи, — сказал бригадир, обращаясь к стоявшим в строю членам своей бригады.

ды, — не знаю, как вы, а я считаю, что пора нам с гитаристом проститься.

Сказав это, бригадир замолчал. Молчали и все. Было видно, что члены бригады согласны с заключением своего руководителя. И именно это более всего напугало гитариста. Узкое его лицо злобно передернулось, и он крикнул срывающимся бабьим фальцетом:

— Это за какие же грехи?

— Не за грехи, а за подлость, — сдержанно поправил его бригадир.

Важко, рванувшись к Ганжелю, прошипел задыхаясь:

— Ты мне ответишь за это, гад!

— Отвечу, — спокойно сказал бригадир и, обращаясь к членам бригады, спросил: — Правильно я поправил его, ребята?

— Подлец, факт, — прозвучал в ответ басовитый голос правофланговой тети Даши. Она вышла на шаг из строя и строго добавила: — Есть в народе поговорка насчет паршивой овцы, которая стадо портит. Завелась, на нашу беду, такая овца и в нашей бригаде. Невдомек мне вот только, кто это в Краснодаре придумал пожаловать почетной путевкой такую скотину, как Важко? Стыд!

— Ты, повариха, поосторожней на поворотах, а то без головы останешься! — выкрикнул Важко.

— Не запугивай. Не из робких. Я тебе не Валя Коврова и не Ваня Зыкин.

И тут строй трактористов дрогнул, пришел в движение. Через мгновение растерянный и бледный Важко очутился в кольце окруживших его возбужденных людей. Перебивая друг друга, заговорили все сразу:

— Жулик!

— Шпана!

— Ни одной девчонке проходу не дает!

— Гнать его в три шеи!

— Хватит нашу бригаду срамить!

— Отобрать у него путевку!

Все теснее сжимая глухое кольцо вокруг растерявшегося от страха и злобы гитариста, люди, казалось, готовы были пустить в дело крепкие кулаки. Но Васи-

лий Ганжело, уловив критическую минуту, сумел вновь завладеть вниманием:

— Слово имеет директор совхоза товарищ Татиенский.

Гул голосов стих.

— Вот что, дорогие товарищи, — намеренно неторопливо и негромко заговорил директор. — Вижу крепко вам всем насолил тут этот приятный с виду молодой человек в шляпе. И хорошо, что вы сами заговорили об этом. Никуда не годится, конечно, терпеть в трудовом коллективе таких, можно сказать, «культурных» картежных шулеров и хлыщей. Этот хулиган в ветюровой шляпе, с гитарой в руках, пожалуй, опаснее его собрата с финкой за пазухой. Не сразу раскусишь такого — с какого боку тебя пырнет. А вот вы молодцы — раскусили. Спасибо. И решили, мне кажется, правильно. Не место вам, молодой человек приятной наружности, в честном трудовом коллективе! — заключил директор, обратившись к Важко.

Выдержав небольшую паузу, Василий Ганжело спросил членов своей бригады:

— Ясно, товарищи?

— Вполне, — прозвучало в ответ несколько голосов.

— Кто за то, чтобы Виталия Важко как не оправдавшего народного доверия лишить комсомольской путевки и отчислить из нашей бригады, прошу поднять руки.

И смотревший в землю Виталий Важко скорее почувствовал, чем увидел упрямо взметнувшиеся к небу руки.

— Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет таких? Порядок.

Важко несмело поднял глаза, мельком оглянул строгие, спокойные лица людей, которых он уже не имел теперь права назвать своими товарищами, и растерянно закрутился на месте.

— Ну, все, — сказал бригадир гитаристу. — Мы тебя больше не держим. — И круг трактористов тотчас разомкнулся.

Надвинув на лоб зеленую свою шляпу, точно норовя прикрыть этим неловким жестом отчужденный,

трусливо-блудливый взгляд, Важко передернул плечами и изобразил на своем лице жалкое подобие знакомой всем циничной улыбки.

Все молчали и в упор смотрели на отщепенца. Любимец бригады пес Валетка, лохматый, весь в репьях, подошел к тете Даше и удивился, что добрая к нему повариха на этот раз не приласкала его. Преданно взглянув на нее своими зелеными глазами, в которых было удивление, Валетка присел на задние лапы и притих, тоже как бы чего-то выжидая.

А Важко, точно очнувшись от минутного забытья, круто повернулся к стоявшему поодаль директору, спросил его с наигранной развязностью:

— Что ж, начальник, выходит, можно отчаливать?

— Выходит, можно, — сухо ответил директор.

— А как насчет транспорта?

— То-есть о каком транспорте речь? — спросил в свою очередь удивленный директор.

— Странный вопрос! Не пешком же я за две сотни верст до станции отсюда пойду!

Директор с презрением посмотрел на этого хлыща и, ничего не сказав, пошел к машине.

Члены бригады разбрелись по биваку: кто к костру полевой кухни, кто к палаткам, кто к тракторам. Было похоже, что все они сразу же позабыли об оставшемся стоять в одиночестве незадачливом гитаристе, случайном и лишнем попутчике на большой, нелегкой, но заманчивой и радостной дороге к яркому завтрашнему дню.

...А наутро выдался тот день, которого так долго и страстно ждали трактористы и их друзья прицепщики. Брызнув жаркими потоками тепла и света, появилось над бескрайней степью настоящее весеннее солнце. Купаясь в потоках весеннего тепла и света, затрезвонили, как тысячи серебряных свирелей и бубенчиков, незримые жаворонки, взревели мощные моторы гусеничных тракторов. Час пробил, и бригада Василия Ганжело вышла в наступление на целину.

Это было в четыре часа утра. Вслед за условным сигнальным ударом гонга машины дрогнули и при торжествующем лязге и грохоте железа двинулись

в первую борозду. Степь как бы вздыбилась перед глазами изумленных, пришедших сюда издалека людей.

В этот памятный час первого наступления на целину в бригаде Василия Ганжело волновались все: от пожилого бывалого агронома Петра Лукича Ведерникова до бригадной поварихи тети Даши. Но больше всех волновался, пожалуй, сам бригадир. По единодушному решению бригады честь первой борозды на вековой целине была предоставлена ему. Не найдя достойных слов для такой торжественной минуты, бригадир молча поклонился своим товарищам и с обнаженной головой поднялся в кабину головного трактора. Не спуская напряженного взгляда с чуть приметной в далеком степном просторе разметочной вешки землеустроителя, он повел за собой всю колонну.

Сидящая на прицепе головного трактора Валя Коврова, опустив рычаг регулятора на заданную глубину, с восторгом увидела, как все пять лемехов ее плуга врезались в спрессованную веками целину и стали переворачивать бархатисто-черные, слегка дымящиеся от испарений широкие пласты. Бражный, горьковатый аромат земли кружил голову, и Валя, на секунду прикрыв глаза, засмеялась от ощущения радости бытия, от полноты счастья, овладевшего ею в это утро, среди этой безбрежной степи, расточительно залитой ярким весенним солнцем.

Новый учетчик бригады Ваня Зыкин, шагая поодаль от головного трактора, то и дело оглядывался в его сторону и, не зная чему, тоже смеялся.

В ДАЛЕКОЙ НАШЕЙ СТАНИЦЕ...

Степь!

Родимые, не знавшие ни конца, ни края просторы; одинокие ветряки на отшибе от сел и станиц: неясный, грустно синеющий вдали росчерк березовых перелесков; бражный запах обмытой предрассветным дождем, прогретой солнцем земли; ветерок, пропахший дымом кизячьих костров; трубный клич лебедей на рассвете и печальный крик затерявшегося в вечерней мгле чибиса. О, как далеко-далеко слышна там в предзакатный час заблудившаяся в ковыльных просторах проголосная девичья песня!

До боли в глазах сверкают в знойную летнюю пору ковыль и озера, а зимой — непорочно-белые, сахарные снега. Бесшумно, медлительно-дремотными кругами опускается на одинокий степной курган орел. Равнодушный и безучастный к великому окрестному простору, садится он на вершину древнего кургана и долго точит об осколки разрушенного временем гранита свой стальной окантованный траурной прошвой клюв.

Джигитует в этих просторах ветер, пропитанный солью горьких степных озер и дыханием далеких Прибалхашских пустынь, и плывут, плывут над землей, кочуют из края в край легкие, как паруса, облака. За-

грубела обильно политая кровью междоусобных племен, утрамбованная копытами конниц земля. Потому то, как бубен, и звенит она на рассвете под коваными копытами иноходца, потому и бушуют здесь в летнюю пору диковинно пышные травы и пылают, как пламя в дыму, яркие весенние цветы.

Такие степи лежат к югу и к западу от станции Пресновской — моей родины — центра крупнейшего зернового района в Северном Казахстане, где я живу и работаю вот уже около двадцати лет. На юге эти степи, вместив в бескрайные свои просторы огромные территории Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и Карагандинской областей, постепенно переходят от ковыльных, богатых черноземом равнин в зону полупустынь и пустынь Центрального Казахстана. К югу от нашей станции эти вековые целинные просторы тянутся тоже не на одну тысячу верст через Кустанайскую область и Тургайскую низменность вплоть до реки Урал, и далее — до берегов Каспия.

Вот в этих-то степях, где какой-нибудь год назад зачастую на сотни верст нельзя было встретить на пути ни селения, ни аула, ни хутора, теперь красуются обжитые новоселами уютные городки — центральные усадьбы новых зерносовхозов — с жилыми кварталами заманчивых домиков с палисадниками, со строгими фасадами школ, клубов, больниц и других общественных зданий. Уже принялись возмужавшие за лето и надежно зимуют теперь молодые саженцы тополей и берез, кленов и акаций. Каждый день по радио поздравляет далекая Москва новоселов этих мест с добрым утром, и жители новых совхозов разговаривают по телефону с родными и друзьями, оставшимися в Москве или в Ленинграде, на Киевщине или на Кубани, в степях под Херсоном или на Дону.

Родившись, проведя детство и юность в этих краях, я, как и всякий старожил, хорошо знаю силу великого плодородия этих степей и люблю этот край жемчужных озер и светлых березовых перелесков глубокой сыновней любовью. Подлюбились эти наши места и многим тысячам новоселов, прочно осевшим на новой, возделанной ими земле, и она наградила отважных пришельцев за их труд и любовь первым богатым урожа-

ем, снятым с поднятой целины осенью 1954 года. Поток: весоного, литого, как чистое золото, пшеничного зерна, хлынувшие прошлой осенью, затопили емкие закрома совхозных зернохранилищ, и в этом году новые зерносовхозы засеют возделанную целину уже собственными семенами.

Но не только в доселе безлюдных, глухих, необжитых местах поднимается в этих краях целина. Поднимают ее и местные старожилы. Один наш Пресновский район с его четырьмя МТС, тремя старыми и двумя, новыми зерносовхозами освоил в 1954 году 75 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Только два наших зерносовхоза — Джамбульский и Украинский — разработали под посев нынешнего, 1955 года 45 тысяч гектаров никогда не паханной целины. И такую же примерно площадь целинных земель поднимут ныне те два новых зерносовхоза, что организуются сейчас, в 1955 году.

В 1954 году район наш принял около пяти тысяч новоселов. Зимой 1955 года сюда хлынул новый поток добровольцев. И обжившиеся здесь новоселы, встречая радушно новичков, называют уже себя старожилами полюбившегося им Пресновского района. Он покорила их простором первобытных степей и медовым запахом разнотравья, изумрудным сиянием богатых рыбой и птиц озер и поэтической прелестью березовых рощ и перелесков. И они, новые хозяева этой любовно обработанной ими земли, с чувством понятной гордости рассказывают новым пришельцам о красоте этой заповедной степи, о ее плодородии и богатстве.

Сейчас, когда пишутся эти строки, в наших краях стоит глухая зима. Но попрежнему, как и минувшей весной, летом и осенью, напряженно бьется здесь пульс трудовой созидательной жизни. Вместе с армией новоселов готовятся к весеннему наступлению на новые участки нетронутой целины и старожилы — опытные мастера земледелия. Успех предстоящей битвы за высокий урожай 1955 года предreshается сейчас, зимой, в цехах машинно-тракторных мастерских и на сортировке зерна под крышами огромных зернохранилищ, на курсах механизаторов и в лабораториях семенных станций!

Поэзия русской зимы! Вот она раскрывается за окном в это яркое февральское утро во всем своем ослепительном блеске и неповторимом великолепии. Она в алмазном сиянии искрометных снегов, в тонком, нежном, невинном кружеве инея на ветвях, в одиночестве пригорюнившейся у прясел, совсем еще юной березки, в зыбких, трепетных струйках сиреневого дымка над трубами полузатонувших в сугробах мирных станичных хижин, в голубом огне льдов, наглухо заковавших в прозрачную броню беспокойную воду большого станичного озера...

Там, по ту сторону этого озера, неприметно смыкаясь с чуть намеченным горизонтом, лежит надежно прикрытая полуметровым снежным покровом, присмиревшая и безмолвная в эту пору степь с акварельными набросками небрежно раскиданных по гигантскому ее полотну березовых рощиц.

Степь зимой не один раз на дню меняет свои оттенки. Розовая от восхода, она обретает к полудню то матово-голубой, то изумрудный оттенок, и фиолетово-синими красками начинает играть на исходе недолгого январского дня, радуя, томя и тревожа душу новой поэтической прелестью зимнего вечера в этой трижды благословенной, родной стороне...

А потом неслышно прокрадется в эти просторы, прикрываясь дремотными крыльями синих сумерек, осторожная, чуткая к каждому звуку и шороху, зоркая, как волчица, зимняя ночь. Нет, ни с чем не сравнишь, пожалуй, волшебного ее очарования! И только с сердцем, остуженным при рождении, можно смотреть без душевного трепета и смущения на червонное золото высоких ее светильников, отраженных снегами, на жемчужные ожерелья и хрустальные сережки, щедро дарованные ею и старым и малым деревьям в тихом зимнем саду...

О нынешней зиме старые люди в нашей станице говорят с удивлением и уважением:

— Ну, хороша-а! Бедовая, матушка!

Потомственные земледельцы приучены жизнью смолоду хвалить или хаять явления природы со своей, глубоко земной, практической точки зрения. Вековой опыт неспроста их предков, в поте лица добывавших

хлеб свой засушенный на древней этой земле, научил и этих, горячо влюбленных в нелегкий свой труд колхозных людей бойко и бегло читать живой календарь природы. Вот почему многие, руководствуясь личными записями и завидной памятью, почти безошибочно могут судить по минувшей осени о грядущей весне, а по наступившей зиме — о будущем лете. Больше того, разработав свою систему расчетов, построенную на многолетнем опыте наблюдений, некоторые из этих людей довольно-таки точно могут определить в декабре, скажем, периодичность и характер майских дождей, а в январе — погоду июня. Не берусь судить, сколько часто совпадают предсказания самобытных наших «синоптиков» с научно обоснованными прогнозами Службы погоды и кто из них чаще оказывается ближе к истине...

Прошлогодня осень, по мнению наших старых мастеров земледелия, была на редкость хорошей. Почти полтора месяца кряду лили и лили, как из ведра, дожди. Земля в канун заморозков превратилась в сплошное месиво, дороги — не пройти, не проехать. И далекая наша станица, отброшенная на сто шестьдесят километров от областного центра и за восемьдесят — от ближайшей железнодорожной станции, в течение целого месяца была, в сущности, отрезана от Большой земли, ежели не брать в расчет телеграфно-телефонной связи с любым пунктом Советского Союза.

— Вот дает жизни погодка! Чорт знает что! — пушили и в хвост и в гриву ненастную осень застрявшие в пути водители груженых зерном автомашин.

— Благодать — не осень! — говорили, радуясь затяжным, бурным осенним дождям, старые хлеборобы.

И вот те же противоречивые речи звучат в народе и о нынешней зиме. Необычно ранняя — даже и для Северного Казахстана — и не в меру суровая, с неслыханно обильными снегопадами и сорокаградусными морозами в первой половине ноября, с оглушавшими, валившими с ног декабрьскими вьюгами, с хрупкой январской тишиной в поседевших от стужи лесах, — она лишила спокойного сна по ночам и без того беспокойных колхозных животноводов, но зато окрылила потомственных земледельцев обилием добрых и верных, по

их утверждениям, примет, сулящих немало великих благ и радостей труженикам мирных пашен: и раннюю, дружную, бурную весну, и теплые гроззовые дожди на первые всходы, и щедрые росы к наливу хлебов, и погожее, не скуное на влагу и тепло лето...

При безмятежном безветрии в первые зимние дни снег, выпавший в изобилии и затем спрессованный морозами, лег на поля ровным, плотным, как литая броня, слоем почти метровой толщины. И штормовые декабрьские ветры уже не страшны были для озимых посевов, для паров и зяби, надежно прикрытых этой снежной броней, неподвластной губительному для пашен выдуванию.

Вот так — одних прижимает, допекает, тревожит новыми хлопотами и заботами, других веселит, ободряет и радует нынешняя зима с ее крутым, мятежным и властным нравом, с ее грозными, как шум ночной битвы, метелями в конце декабря и такими морозами в посленовогодние дни, при которых, потрескивая, рвались на части льды по озерам и воробьи замерзали на лету...

— Сильна! — говорят, поминая крепким русским словцом эту зиму, неунывающие шоферы станичной автороты.

Уж кому, кому, а этим орлам и в самом деле дает она нынче жизни на шестидесятикилометровой трассе, героически пробитой ими в глубоких снегах от станции до Петропавловска. Труд этих людей в такую пору воистину сопределен с подвигом. И величие этого подвига — в его примелькавшейся всем обыденности, в том, что его не замечают ни сами водители, ни те люди, которым, казалось, по долгу надо бы уметь замечать великое в малом, героическое в будничном труде неробкого, но и не кичливого народа...

В яркие зимние ночи и в полутемные от метелей дни отважно газуют колонны заиндевелых грузовиков по неверной, переметенной, изрытой ухабами траншейной трассе. Они доставляют городу дары земледельцев и скотоводов, маслоделов и неутомимых охотников: литое, весомое, как плавленый янтарь, зерно, заплывшие жиром мясные туши, бочата высокосортного сливочного масла с маркой «Экстра» и тюки тонкорунной шер-

сти, шкуры нашей лесостепной пушнины и штабели спрессованного в брикеты полуфабрикатного табака.

И город, в свою очередь, не остается в долгу перед сельскими тружениками — неприметными порой мастерами и безыменными подчас умельцами. Не скупясь, щедро расплачивается он за деревенский хлеб и сырье отменными промышленными товарами и первоклассными сельскохозяйственными машинами, богатым ассортиментом гастрономических изделий и чудесами тонкой парфюмерии, потоком горючего и техническими маслами, уникальными металлообрабатывающими станками для машиноремонтных мастерских совхозов и МТС и запасными частями для легковых и грузовых автомобилей, для комбайновых и тракторных парков, которыми не беден далекий наш район...

Люди с аналитическим складом ума — плановики и экономисты — утверждают, что цифры сильнее слов. Железная логика математических выкладок действительно покоряет и трогает душу больше иного холодного, тусклого, как потертое серебро, рассудочного слова... И я не могу не сослаться на цифры, повествующие о высоком экономическом уровне жизни, о росте материально-духовных сил и запросов моих земляков. Так, по годовому балансу Пресновского райпотребсоюза торговый оборот в сети сельской потребительской кооперации вырос с 25 миллионов рублей в позапрошлом году до 30 миллионов в минувшем и запланирован в 36 миллионов в нынешнем. Ничего не скажешь, круглые цифры для отдаленного от железной дороги и города, некогда глухого сельского района!

Только один наш станичный универмаг продал в прошлом году на 5 миллионов рублей присланных нам городами промышленных товаров. Здесь, по милости взыскательных и разборчивых сельских модниц, не залеживаются на полках китайские шелка и отечественные крепдешины, нарядные платья из тонкой шерсти и различные кружевные шедевры, модельные туфли и изящные меховые шубки, дорогие духи и нежнейшее белье... И совсем уж с бою расхватываются рисковыми молодыми парнями нередко появляющиеся в продаже мотоциклы и велосипеды, радиоприемники и радиолы. Одна досада: легковые автомобили в наш

станичный универмаг не поступают, — хотя бы, на первый случай, и «Москвичи»! Вот пианино, например, которые охотники уже приобрели, а зеркальные шкафы, фоньеры, столовые гарнитуры, никелированные кресла с панцирной сеткой, красивые настольные лампы, электролампы и прочие бытовые электроприборы, к сожалению, тут еще не в частом бывании. А спрос на такие вещи у моих земляков не меньший, чем у городских жителей.

Так и стираются, сходят на нет былые различия между городом и деревней.

Многим богат и славен, может быть, и не очень приметный издали, лесостепной наш район с неяркой красотой его пейзажей. Богаты мы хлебом и нетронутой еще целиной, богаты прижившимися в наших местах таежными красавцами лосями и стаями диких коз, не бедны пушным зверем и пернатой дичью. У нас косяки рысистых рысаков, не раз бравших высокие призы на городском ипподроме, и стада коров высокопродуктивной породы. Мы гордимся первоклассной в мире сельскохозяйственной техникой и черноземом любовно возделанных плодородных колхозных пашен. Но самое главное наше богатство — в волевом, активном, трудолюбивом народе, вскормленном и вспоенном родной землей!

И тут снова — вольно или невольно — придется обратиться к выразительному языку цифр. Вот примеры. У нас в районе 4 машинно-тракторные станции и 3 крупных совхоза с двухтысячной армией механизаторов. В авангарде этой армии — люди того «широкого профиля», о которых говорил Никита Сергеевич Хрущев на сентябрьском Пленуме ЦК. Это гвардия сельской технической интеллигенции. Одаренные живым воображением и любознательностью, эти люди с их обостренной восприимчивостью ко всему передовому и новому, с душевным, творчески страстным отношением к труду еще вчера были рядовыми трактористами, а ныне — механики-универсалы. Они могут стоять за штурвалом комбайна, управлять самоходной сенокосилкой, в случае нужды могут заменить токаря в мастерских или шофера на грузовике. Они слесари и электросварщики, знатоки технологии холодной

горячей обработки металла. Большинство этих людей обладает столь разносторонними профессиональными навыками, что чуть ли не с одинаковым успехом может выполнять любую работу в МТС или совхозе.

Двухтысячная армия механизаторов нашего района, возглавленная приехавшими из разных городов страны образованными, опытными инженерами и агрономами, — это серьезная сила. Большому кораблю — большое плавание. В 1954 году здесь было поднято 60 тысяч гектаров целины. В нынешнем предстоит поднять еще несколько десятков тысяч гектаров. Впереди жаркая битва моторизованной армии хлеборобов за стопудовые урожаи, за превращение седых ковыльных равнин в жаркое золото дремучих нив...

Ко многому присмотрелся я, многое запомнил и сберег в душе за последние двадцать лет, почти безвыездно проведенных в этих местах. Был я в свое время свидетелем и величайших социальных сдвигов и грозных классовых схваток в годы зарождения и становления первых колхозов. Это была незабываемая героическая пора в жизни деревни, о которой и теперь нельзя вспоминать без светлого, трепетного волнения. Партия распахнула тогда перед крестьянством настежь ворота в широкий простор, полный великих свершений. Простор этот, с его непривычно яркой, заманчивой новизной, и радовал и пугал тревожно изумленную и полурастерянную в те дни деревню...

С тех пор не мало воды утекло. И ничем почти уже не напоминают современные наши села былую, дичавшую от смертной тоски, нужды и заброшенности деревню старой Руси. Большой, сложный, нелегкий путь прошла эта деревня — от нестойких на первых порах, не всегда уверенных в завтрашнем дне артелей с немудреным инвентаришком бывших единоличников до современных укрупненных сельскохозяйственных коллективов с миллионными годовыми доходами, с немыслимым в прежние времена достатком в крестьянских домах, с комплексной механизацией полевых работ, с электрической дойкой на животноводческих фермах...

Решения сентябрьского Пленума Центрального Комитета партии были восприняты деревенским народом как боевой клич, встрепенувший сердца и окрыливший

души. Наверное, так воспринимался в древней Руси зов вечного колокола предками нашими, русскими людьми.

В народе говорят, что сентябрьский Пленум ЦК открыл перед тружениками колхозной деревни новые горизонты, оживил новые творческие силы. И это очень верно. Никогда прежде не работали с такой душевной охотой, так дружно, так шумно и весело деревенские люди, как ныне. Труд сделался их духовной потребностью.

Литератор, постоянно живущий в деревне, слывет здесь за такого же своего районщика, как любой из местных работников. За мной, например, тут прочно закрепился титул «районного писателя», и, как к любому районному работнику, земляки предъявляют мне требования: пиши, говорят, и о хорошем и о плохом в нашей жизни. Об этом не раз заводили со мной разговор и председатели окрестных колхозов и рядовые колхозники, об этом же нередко намекает мне и районное начальство. Разница тут только в одном: в характере советов и намеков. Колхозники, как правило, обращают внимание и на положительные и на отрицательные явления жизни, начальство же, оперируя сводками, рекомендует «выпячивать» (да, так вот и говорят — «выпячивать»!) достижения в экономике и культуре района и ничего не говорит о недостатках... Вроде как бы недостатков в нашем районе и нет никаких — сплошные достижения.

Имея в виду «теорию» бесконфликтности, я как-то сказал председателю колхоза имени Ворошилова Савве Григорьевичу Калугину, что отрицательное в нашей жизни нетипично, что писатель, дескать, не летописец и не фотограф...

Выслушав меня, Калугин сказал:

— Ты мне воду на киселе не разводи. Не хочешь нас в книге отразить, не отражай, дело хозяйское, спорить не стану. Мы, может быть, в общем и целом до отражения еще и не доросли. Только я так думаю, что писать надо и про хорошее и про плохое. Фруктовый сад у нас сам просится в книгу, только сумей опиши. А, кроме сада, есть кое-что и из другой оперы...

Сад в этом некогда захудалом казачьем поселке Усердном и в самом деле чудо — первый и пока един-

ственный колхозный фруктовый сад в нашем районе. Тутюшние старожилы, знавшие прежде о яблоках, грушах и сливах только понаслышке, в прошлом году получили на трудодни собственные фрукты. А колхоз получил от сада 420 тысяч рублей чистого дохода. И это в год первого плодоношения!

Любуясь в минувшую осень прелестными юными яблонями и вишнями, унизанными увесистыми шафранно-золотистыми яблоками и багрово-темными гроздьями бухарских и владимирских вишен, рдевших под солнцем, как вороха жарких углей, подернутых пеплом, я думал в ту пору как раз о том, что хорошо бы донести когда-нибудь до читателя новизну и непосредственность этих ощущений. Сад действительно просится в книгу, и я не обойду его в романе, над которым ныне работаю. Сад в североказахстанской степи — это дерзость человека, окрыленного большой мечтой. Это самоотверженный подвижнический труд и горечь сомнений, проблески первых удач и тревога за возможное поражение. Все это испытал и пережил вместе с односельчанами Савва Григорьевич Калугин, пока сад, вопреки равнодушным наблюдателям и маловеерам, встал на ноги, расправил крылатые ветви и одарил людей своими плодами.

Словом, сад рождался в муках. Вокруг него было много борьбы передовых людей с людьми отсталыми, и отсталые испортили много крови передовым...

Впрочем, только ли этим садом красно ныне село Усердное с его опрятными улицами, освещенными по ночам потоками яркого электрического света, с его новым вместительным, хорошо обставленным клубом, мощным радиоузлом и семилетней школой? И не люди ли, взрастившие сад, приумножившие общественное богатство, украшают собой это преобразенное село?

«Работа — она штука долговекая, — сказал уральский кудесник слова Павел Петрович Бажов. — Человек умрет, а дело его останется. Вот и смекай, как жить-то!» И по всему видно, такие, как Савва Калугин, смекают, как жить. Недаром у нас один за другим вышли в миллионеры к началу этого года такие колхозы, которые в недавнем прошлом слыли за середнячков, а то и за безнадежно «тяжелых». Это колхозы

имени Молотова и «Путь к социализму». И вот что важно: по внешнему облику колхозных сел можно судить о том, как хорошо зажили в них люди.

Но есть, к сожалению, и другие села, как, например, районный наш центр станица Пресновская. С некоторых пор она утратила славу благоустроенного села. И если сравнить ее с обжитым домом, то только с таким, в котором нет радивого хозяина, а стало быть, и должного порядка, опрятности и уюта.

Наша станица — одно из самых старейших так называемых линейных русских поселений не только в Северном Казахстане, но и в Западной Сибири. В 1952 году она могла бы отметить свое двухсотлетие. Могла бы, если бы нынешние хозяева района проявляли интерес к ее примечательному прошлому, более деятельно и активно жили бы сегодняшним ее днем и выказывали бы заботу о ее будущем.

В канун Отечественной войны станица за одно лето обогатилась хорошим типовым зданием районного Дома культуры, тепловой электростанцией и отлично оборудованным — с летним театром, спортивным городком, читальней, рестораном, танцевальной площадкой и различными аттракционами — парком культуры и отдыха. В строительстве всех этих очагов культуры принимало деятельное участие не только все население станицы, но и колхозная молодежь ближних к райцентру сел. Успех дела решали, в конечном счете, не деньги, которых не ахти как много было сколочено для этих целей, а люди — их трудовое участие в культурном благоустройстве своего районного центра.

Ключом была тогда творческая энергия в драматических и хоровых, музыкальных и хореографических коллективах художественной самодеятельности станицы. Один за другим шли спектакли классических и современных советских пьес, поставленные на сцене Дома культуры местными артистами во главе с их старейшим руководителем, бесспорно одаренным режиссером, работником связи Иваном Андриановичем Тарановым.

Частые постановки пьес чередовались с не менее яркими концертами, с тематическими вечерами и увлекательными лекциями. И ярко освещенный по вечерам,

со вкусом обставленный, уютный и теплый Дом культуры ломился от зрителей. Но еще многолюднее, шумнее и веселее бывало в летнюю пору в чудесном старинном парке, где играл в погожие вечера духовой оркестр, и волшебные краски летучих фейерверков порой затевали в ночном небе над парком мятежную свою игру...

Так было. И вот как стало.

Четвертый год печально безмолвствует любовно и бережно возвращенный старожилками, заброшенный, разгороженный, обреченный на гибель парк. Только и живности в летнюю пору в нем, что телята, мирно пасущиеся по заглохшим аллеям, да лошади, спасающиеся от овода в тени его общипанных кленов. И вот уже поднялась чья-то варварская злая рука на чету тридцатилетних светлых берез, что некогда встречала у входа в парк толпы веселой шумной молодежи. Теперь от этих застенчивых северянок остались одни обезображенные ударами топора пеньки с обледенелыми каплями сока в зарубках да несмелыми намеками на побеги у самых корней, прочно уцепившихся за животворную землю... А поодаль от них пока еще красуется ветряный хоровод более юных березок, словно выскокивших из парка к кому-то навстречу. Но похоже, что и перед этими невинными созданиями не дрогнет в разбойничьей руке топор, начавший уже над обреченными деревьями палаческую расправу.

Однако если не дрогнет топор в руках вредителя, безнаказанно разбойничающего в общественном саду, то, может быть, дрогнет сердце при взгляде на гибнущий парк у отцов нашего района? Не знаю, не берусь судить. Но по некоторым признакам, не такое уж слабое у них сердце.

Нам могут заметить, что парк культуры и отдыха в Пресновке все-таки есть. Так, по крайней мере, именуют тут скромный школьный садик, обнесенный невзрачной изгородью с незаманчивыми воротцами и оборудованный... пивным ларьком! Впрочем, и пива там не бывает. Но водки — залейся! А так как никаких внятных намеков на культурный отдых в этом «парке» нет, — тут и присесть-то не на что, — то одни из посетителей в охотку, другие от смертной скуки, поша-

тавшись по скучному садику, становятся в очередь к унылому ларьку...

И не удивительно, что оказавшийся, превращенный в питейную «забегаловку» школьный сад, став с недавних пор запретным для ребятнишек, утратил былую свежесть и чистоту. Без единственной мальчишеской беговки по полутемным его аллеям, без молодецкого их свиста и таинственных переключек в зарослях старых акаций, без детского смеха и пионерских напевов — без всего того, что красило издавна этот заветный зеленый лагерь станичной детворы, томится он ныне в тихой скуке с весны до осени, отрешенный от детей и не очень-то жалуемый взрослыми...

А по соседству с этим приунывшим «питейным райсадом» возвышается на центральной станичной площади некогда знаменитый Пресновский дом культуры. Знаменитый без кавычек. О нем частенько упоминалось с похвалою в областной и республиканской печати, и похвала эта была в прошлом вполне заслуженна! А в одном из последних киножурналов Алма-Атинской киностудии, посвященном итоговому концерту республиканского смотра сельской художественной самодеятельности, этот, в сущности, довольно-таки скромный наш клуб назван даже Дворцом культуры! Это, видимо, так польстило руководителям Пресновского района, что они, посмотрев киножурнал, незамедлительно приняли на бюро райкома партии решение о переименовании скромного клуба в Дворец культуры, попутно предупредив в конце этого же поспешного решения директора «дворца» Петра Федоровича Батырева о том, что ежели он не покончит с пьянством в служебное время, то будет в конце концов отстранен от высокой должности...

О Пресновском доме культуры, если угодно, имеется уже и специальная литература. Так, в конце прошлого года Казгосиздат выпустил в свет произведение Е. Ивановой — сотрудницы республиканского Дома народного творчества, написанное автором, как это явствует из текста, со слов все того же директора Дома культуры П. Ф. Батырева. Если поверить на слово авторам этого столь же бойкого, сколь и, мягко говоря, малоправдивого сочинения, то можно

подумать, что Пресновский дом культуры — явление и поныне из ряда вон среди всех сельских его собратьев в Казахской республике. Тут и бурная деятельность наших драмкружковцев с их частыми постановками новых спектаклей и с углубленной работой самодеятельных актеров над ролями чуть ли не по системе К. С. Станиславского, тут и еженедельные «четверги» молодежи, и так называемые тематические вечера-встречи с механизаторами МТС и мастерами высоких урожаев, и «дни сельской интеллигенции», и активная деятельность лекторской группы. Не забыты даже кружки кройки и шитья и авто-мотоспорта...

Так картинно выглядит наш Дом культуры в бойком сочинении Е. Ивановой и ее, видать, не скупого на воображение соавтора П. Батырева. Но все это сущие вымыслы. К сожалению, ничего похожего на это досужее сочинение здесь ныне нет. В прошлом — это другой разговор — все или почти все это было. Но это было давно, и мало кто помнит в станице, когда именно это было: десять ли, пятнадцать ли лет назад... Авторы, между прочим, утверждают: «В помещении Дома культуры тепло и уютно». А на самом деле и чудовищно холодно и совсем неуютно. Наоборот. Неопрятно, неряшливо и постыло, как на каком-нибудь захудалом постоялом дворе, что водились у нас на Руси в допотопное время... И ни одного спектакля за зиму не увидели ныне станичники, и ни один кружок не работает. Да и работать кружкам, в сущности, негде: предназначенные для них комнаты Дома культуры заняты аппаратом работников районного отдела культуры.

Цитируя самого себя в вышеупомянутом сочинении, П. Батырев заявляет: «Можно смело сказать, что мы не выполнили бы и десятой доли той работы, если бы не опирались на актив, на людей, которые искренне, горячо заинтересованы в своем Доме культуры». Вот тут-то и зарыта собака! А еще куда бы было смелее признаться, что не только десятой, но и тысячной доли не сделано из того, о чем расписано так отважно и не совсем грамотно в этом коллективном творении. И не сделано только потому, что давным-давно растерян тот самый актив, творческой деятельности которого и обязан был в прошлом своей заслуженной славой

Дом культуры. И старый актив растеряли и нового не сколотили.

Так иногда лихо и гладко пишут о сельской жизни иные залетные, не в меру легковесные авторы-верхогляды, сознательно забывая про те овраги, по которым приходится ходить местным жителям. Но во сто крат хуже, когда этих оврагов не замечают хозяева района и сочиняют не менее верхоглядские гладкие решения, в которых за трескучими дежурными фразами с «холодным нарезом» нет ни жизненной правды, ни конкретных задач. Именно к таким формальным отпискам от живой жизни относится, в частности, и решение бюро Пресновского райкома партии о работе местного Дома культуры. И разве только ради злой шутки уместно было заводить речь о переименовании его в дворец...

Недавно, приглашенный в гости к одному из колхозников сельхозартели имени Сталина, я встретил там немало моих земляков — старожилы станицы: механизаторов МТС и колхозных шоферов, бригадиров и рядовых колхозников. В числе прочих были председатель колхоза Михаил Гордеевич Михайлов и председатель сельисполкома Сергей Родионович Савинков — оба коренные пресновцы. Ну, слово за слово, зашел разговор и о моей работе. И гости стали наперебой говорить о том, что, по их мнению, я обязан буду «отразить» в новом романе. И весь разговор свелся к судьбе родной станицы.

— Хорошее, слов нет, отражай, — говорили мне товарищи, — только и самокритику не забудь...

Не стало, мол, у нас в Пресновке с некоторой поры былого порядка, не станица, а старорежимный аул с виду — ни улиц теперь в ней, ни переулков не угадаешь... Да разве это дело — восьмерым хозяевам в одном квартале селиться? Кто из нашего брата, старожилы, девятьсот десятого года не помнит? А найдутся и такие, которые и про восемьсот девяносто первый еще не забыли! Такое лихо, как пожар, и до гробовой доски не забудется... И вот похоже, что лихо это многим не впрок... Кварталы позагустили и даже две полувековые наши площади позастроили...

— Стой, ребята! Как бы мне про главную нашу обиду не забыть, — прозвучал высокий голос старика

хозяина. --- Я про наше станичное озеро говорю. Подумать надо, три года кряду рыбу садили и все --- прахом. А какой окунь до войны водился, помните! А какая же рыба выживет теперь в нашем озере, если его авторота отработанным автолом травит, баня — помоями, промартель воющую воду из пимокатного цеха туда же спускает...

Очень крепко досталось тут председателю сельисполкома Сергею Родионовичу Савинкову. Но я почти за долг вступить за него.

Сергей Родионович Савинков — один из лучших председателей сельсоветов нашего района. При деятельном участии депутатов Совета он сделал немало хорошего в прошлом и горячо стремится сделать многое для благоустройства родной станицы в настоящем. Да беда в том, что этот инициативный, распорядительный человек чувствует себя с некоторых пор связанным по рукам и ногам. Такое же ощущение испытывают и деятельные депутаты.

После двух опустошительных пожаров, почти дотла уничтожавших Пресновку в 1891 и 1910 годах, приговором тогдашнего станичного общества был утвержден единый план застройки станицы. Соответственно с этим общественным приговором тогда же было образовано три новые площади — Центральная, Пожарная и Торговая — и в четко распланированных квартальных квадратах дозволено было ставить отныне не более четырех домов. Став в начале тридцатых годов центром крупного зернового района, станица бурно росла и застраивалась, как бурно растет и застраивается она и по сей день. Были построены десятки общественных и сотни жилых домов. Но никогда не нарушался при этом строгий порядок застройки, утвержденный полвека тому назад. Благодаря строгой планировке большая станица выглядела опрятной, собранной, уютной, как тот невеликий северный русский городок, о котором поется в хорошей советской песне...

Но вот с появлением в нашем районе новых хозяев не замедлили сказаться и новые порядки. Так, например, за один год с великодушного дозволения председателя райисполкома Анатолия Арефьевича Мака-

рова были тесно застроены две площади. На одной из них, в центре станицы, были сооружены огромные оптовые склады райпотребсоюза, забитые теперь строительными лесоматериалами. Напрасно местный Совет, его председатель и все сельские депутаты бурно протестовали против тесной застройки площадей, да к тому же еще складами огнеопасных материалов, — все их решения и протесты ни к чему не привели.

Такая же чехарда началась в станице и с постройкой новых домов. Селиться стали теперь как бог на душу положит, не признавая никакой планировки.

Много решений за последние три года было принято сельисполкомом о прекращении сброса промышленных нечистот в станичное озеро. Этот великолепный естественный водоем площадью в несколько десятков гектаров прозрачной, чистой воды изобиловал окунями и карасями. А теперь не осталось в нашем озере, кажется, ни одного малька. Виной всему этому — преступное загрязнение озера нечистотами.

Я пишу эти строки в феврале. Еще, бывает, лютуют поутру в наших краях сорокаградусные морозы и трубят в ледяной свой рог, бьет в бубны лихая пурга. Но вот уже совсем не по-зимнему начинают светлеть залитые и слегка пригретые иной раз полуденным солнцем стволы и ветви деревьев в саду. Все светлей, все синей и синей становится с каждым днем высокое безмятежное небо с блуждающими легкими и пышными, как лебяжий пух, незимними облаками. Все отчетливей и резче выступают на фоне голубых снегов и бирюзового неба островки березовых перелесков и дремучие гривы рощ.

Скоро, скоро ударят в колокол веселые вешние ветры и на смену трубному реву пурги зазвучат озорные свирели бурных весенних ручьев и серебряные песни незримых в бездонном небе жаворонков. И в древних, веками не троганных ни мотыгой, ни лемехом степях наших развернется битва механизированной армии за урожай.

ДАЛЕКО ЗА КУСТАНАЕМ

Ураганный ветер, ревущий в ночи, завершился к рассвету неслыханной фронтальной грозой и яростным, кипящим, как водопад, ливнем. То голубая, то фиолетовая от мятежного огня непрерывных цепных молний степь, казалось, бушевала, подобно открытому морю в шторм, и брезентовая кровля бригадного полевого шатра гудела и трепетала, как крылатый парус на гонимом шквальным ветром утлом судне.

Никому не спалось.

Ночная смена трактористов и прицепщиков комсомольско-молодежной бригады Вениамина Михеева, укрывшись от грозного ливня в большой палатке, нетерпеливо выжидала конца этой веселой и грозной кутерьмы, разыгравшейся в расколотом жаркими ядрами ночном небе и на залитой голубым трепетным и бушующим водопадом, недавно вздыбленной лемехами земле. Приоткрыв над входом брезентовый полог палатки, ребята любовались разгулом ветра, воды и молний. И в глазах семнадцатилетней прицепщицы Вали Иващенко мерцали, не угасая, золотые искры грозных разрядов. Невольно вздрагивая, сжимаясь, как птица под выстрелом, девушка жмурилась не столько, должно быть, от страха, сколько от удовольствия, и смуглое юное лицо ее еще более хорошело от смущенной улыбки.

— Вот дает, понимаешь, жизни пророк Илья!

Должно быть, рукава и подштанники засучил. На со-
весть старик работает! — с восторгом сказал, блестя
в полумраке глазами, помощник бригадира Михаил
Попов, самый старший по возрасту в бригаде.

— Это он нам, новоселам, пить дает на новой зем-
ле. Факт. В нашу честь навесным огнем салютует, —
подал голос с походной кровати тракторист Михаил
Столбов.

— Правильный салют! Не зря же первое место
в зерносовхозе за нами! — подтвердил бригадир.

И то ли от этого сдобренного шуткой, непринуж-
денного разговора, то ли от новой ослепительно яркой
вспышки гигантского огненного жгута в зыбком роко-
чущем небе, то ли просто от обострившегося в эти ми-
нуты чувства товарищества в недавно сроднившемся
в степной стороне коллективе, или, наконец, от ооще-
ния собственной молодости, здоровья и силы, — всем
вдруг стало весело и все засмеялись.

Молодая женщина, бригадная повариха Клава По-
пова, похоже, побаивавшаяся этой и в самом деле не-
шуточной грозы, со вздохом сказала:

— Нет, у нас на Дону таких гроз не бывает...

— Гроза, как в песне про Ермака. Да и мы
среди раскинутых шатров не хуже лихих ермаковских
соратников, — пробасил тракторист Василий Башта-
нов.

— Насчет гроз на Дону я не знаю, а вот пахать це-
лину у нас там, выходит, все-таки легче, чем здесь, —
сказал бригадир

— Еще бы! — с живостью откликнулся Башта-
нов. — Мы в Шумилинском совхозе, к примеру, таки-
ми же тракторами «ДТ» при пяти корпусах на первой
скорости твердые залежи подымали и назад не огля-
дывались. А здесь на первой — четыре корпуса со
скрежетом тянешь.

— Не земля — броня броней. Да и виду мало.
Ведь она тут одну тыщу девятьсот пятьдесят три с по-
ловиной года ни сохой, ни мотыгой была не трогана, —
вставил учетчик Иван Щедров, любивший точные
цифры.

И тут снова все засмеялись и потом заговорили
наперебой о том, что всех одинаково волновало:

— Это точно, от сотворения мира степь здесь не пахана. И не вековая, а, правильной будет сказать, вечная целина!

— Крепкий орешек!

— Ничего. По зубам. Раскусим.

— А какой чернозем — в полметра, товарищи!

— И чернозем и пахота идет правильная — на двадцать два сантиметра, и плюс, учтите, такие вот ливни по всходам. Тут урожай — глаза закрой — по двадцать верных центнеров с га вкруговую, — заявил учетчик.

— С урожаем — что. Это дело, братцы, считай, решенное. У меня другая забота, ребята, — сказал в раздумье тракторист Иван Сосов.

Все вопросительно посмотрели на него, и он спросил стоявшего рядом с ним Вениамина Михеева:

— Как ты думаешь, бригадир, а успеем мы к зиме обзавестись на центральной своими домами?

— Обязательно. Так заявил директор.

— Уж больно много заявок, говорят, на строительство личных домов в дирекцию поступило. Для одной нашей бригады добрых десятка полтора стандартных хат надо выстроить. А стройматериалами совхоз наш пока не шибко богатый.

— Материал не за тридевять земель, под ногами. Двенадцать тысяч штук самана уже наготове. Не тужи, Иван, новоселье в новых домах в ноябрьские праздники справим. А к осени коровами разживемся, — дружески хлопнув задумавшегося тракториста по плечу, сказал ему с доброй улыбкой бригадир Михеев.

— Осенью мы своих гусей из Базков привезем. Штук пяток. На развод. Верно, Клава? — спросил свою жену Михаил Попов.

— Я без гусей не могу, это ты знаешь, Миша...

— Ах же и гуси у нас, ах же и гуси! Глянешь, в Дону купаются — лебеди лебедями. Уютная птица! — даже дрогнув от удовольствия, восторженно проговорил Попов. И жена, улыбнувшись в ответ, подтвердила, точно боясь, что ему не поверят:

— Гуси у нас, правда, хорошие. Для них здесь на озере в центральной усадьбе раздолье будет.

— А птицы же в этих краях! На заре от гогота двого гуся озера стонут. А лебеди красуются на воде как ручные. И карась тут какой-то особенный. Золотой уха — ложку проглотишь! — сказал Василий Башинцев, страстный рыбак и охотник.

Гроза шла на убыль. Все глуше и глуше рокотала она, удаляясь на юго-запад в Тургайские и Оренбургские степи. Но ливень продолжал бушевать с неукротимой, казалось, яростью на этом раннем июньском рассвете. Трактористы и прицепщики дневной смены опрятно заправив свои кровати, наскоро умывались под пояс под преливным дождем, выскочив из палатки, и затем расторопно завтракали перед нелегкой вахтой. Все они в этой бригаде, за исключением двоих юных прицепщиков — Андрея Фещука и Игната Мартынюка — любимцев бригады, доводились земляками. Это были донские казаки из верхних станиц Базковской и Шумилинской. Одни из них до приезда в Кустанайские степи работали механизаторами в Вешенском, другие — в Базковском, третьи — в Шумилинском молочно-мясных совхозах. Потому-то и в разговоре то и дело вспоминали про Дон. Таились эти воспоминания в нежных запахах нехитрых здешних цветов, в горьковато-бражном аромате обмытых утренними дождями трав, в пышных красках погожих рассветов и закатов. И как там, на родине, томил и тревожил здесь сердце вечерний бой перепелов и трубное гуканье в сумерках хоронившейся на далеком озере выпи...

Часом позднее, когда бригадир включил радиоприемник в палатке, и Москва поздравила всех советских людей с добрым утром, ливень уже прошел. Он затих так же внезапно, как и начался. Над залитой потоками яркого света степью покоилось бесконечно высокое, не омраченное ни одной тучкой, безмятежно синее небо, и ничто не напоминало уже о ночном ураганном ветре и чудовищной предрассветной грозе. Только озорное бормотанье ручьев в колеях размытой ливнем дороги хранило еще живые следы недавно отбушевавшего в этих широтах шквального ливня. Черные, как вороново крыло, массивы поднятой целины резко выделялись на фоне изумрудно-зеленых равнин. Но краше, ярче, праздничнее, наряднее всего выглядели

в этот умиротворяюще тихий и светлый утренний час буйные всходы закрывшей взрыхленную по весне целину пшеницы, в которой уже не виден был хоронящийся в ней грач.

В девятом часу утра в бригаду приехал директор Орджоникидзевого зерносовхоза Федор Павлович Кухтин. Трудно было поверить при взгляде на этого здоровяка с размашистой походкой и молодыми смеющимися глазами, что человек этот перенес в годы Отечественной войны тяжелые осколочные ранения в грудную клетку и врачи едва уберегли его, продержав в госпитале около полугода. Старый кадровый офицер Советской Армии, он дрался с японскими захватчиками на Халхин-Голе, защищал от нашествия гитлеровцев Москву на Можайском направлении, воевал в Прибалтике. А после затянувшегося лечения вырвавшись из госпиталя, уехал в Крым и последние годы работал директором зерносовхоза «Большевик» в Красногвардейском районе Крымской области.

— Дело прошлое, не стану греха таить, — доверительно сказал при нашем разговоре Федор Павлович со свойственной ему открытой улыбкой. — Неохотно ехал я в эти края с новым назначением. Хотя, впрочем, сам, можно сказать, столбовой сибиряк. Родился и вырос в Барабинских степях и трактористом там же работал. Но дело не в географии. Знаете, «Большевик» покидать мне было жалко...

— А теперь?

— Теперь — не спрашивайте. Видите, что тут делается?! Скажу, не хвастаясь, я здесь помолодел. По крайней мере душой. Чорт знает, жизнь все-таки мировая штука! Приехали мы сюда в конце апреля налегке: с дорожными чемоданчиками в руках, с вещевыми мешками за плечами. Осмотрелись. Облюбовали место у озера для базы. Вокруг ни кола ни двора. Студено. Ветер с ног валит. Вспомнилась фронтовая обстановочка. Правда, нашему брату дело это не в диковинку, но все же поеживались. Не шибко было уютно...

Умолкнув, он настороженно присмотрелся к остановившемуся на соседнем целинном массиве дизельному трактору, и бригадир Михеев, уловив этот на-

стороженный взгляд директора, предупредительно пояснил:

— Это, Федор Павлыч, Баштанов на заправку стал. Мы ж теперь в борозде заправляемся.

И директор, понимающе кивнув бригадиру, продолжал, все более оживляясь:

— Полтора месяца — не такой уж великий срок, а сегодня, смотрите, хозяйствуем тут, как заправские старожилы. И около пяти тысяч га целины успели поднять, и всходы у нас на славу, и центральная усадьба уже на рабочий поселок стала немного похожа. Поставили до десятка сборных домов, и сразу — другая картина. Обжитым местом запахло. Смотрю, хозяйственные новоселы у нас и курами уже обзавелись. Теперь на центральной базе наших строителей собственные петухи на заре будят!

— Ну, положим, некоторые из них и до петухов на ногах, — заметил главный инженер зерносовхоза Валентин Дмитриевич Костин.

— Это точно. Такой бригадир, как Витя Коломийцев, со своими севастопольскими молодцами и петухам спать не дает. Ах, народ у нас — цены ему нет! Орел на орле, понимаете, — что в тракторных бригадах, что в строительных.

— Не перехвалите, Федор Павлыч. Прорвались же по первинке к нам и «золотоискатели», — сказал бригадир Михеев.

— Не о них речь. Да и немного было таких. Единицы. И мы им не трафили. Двоих таких молодцов по требованию всего коллектива зерносовхоза пришлось лишить путевок и отадресовать в двадцать четыре часа восвояси. С остальных народ на общем собрании снял такую стружку, что и они теперь, смотришь, в люди выходить начинают... Ну ладно. А как у тебя в твоей донской казачьей, атаман? — спросил директор Вениамина Михеева.

— Нормально, Федор Павлыч. Иван Сосов на «С-80» дал вчера сто сорок процентов. Михаил Столбов на «ДТ» — сто тридцать. Остальные ребята тоже в норме. Эх, тyani «ДТ» пятикорпусный плуг на второй скорости, у нас все бы трактористы намного нормы перекрывали. Машины новые, механизаторы

опытные, какой разговор! Но не берет на второй этот трактор здешнюю целину пятью корпусами, и хоть ты тут матушку-репку пой.

— Ну, вот и дорапортовался. А говоришь, нормально, — вполухутку, вполусерьез упрекнул бригадира директор.

— Так я ж за своих людей говорю, а за машины конструкторы должны думать, — поправился бригадир.

— Пока конструкторы будут думать, нам двадцать тысяч гектаров целины до первого августа поднять надо. Ты мне лучше вот что скажи, Михеев: как по-твоему, дизель «С-80» шестикорпусный плуг на второй потянет?

— Вполне. Только откуда ж взять такой плуг с шестью корпусами?

— А вот Валентин Дмитрич нашел, откуда, — сказал директор, кивая на главного инженера.

— Нашли, положим, вы, а не я, — поправил директора инженер с улыбкой.

— Конструкция-то твоя, ты ж смастерил.

— Зато ваша идея.

— За идеи не платят... Дело не в этом. Арифметика, Михеев, тут вот какая, — сказал директор, обращаясь к настороженно внимательному бригадиру. — Если ты снимешь один корпус с «ДТ», то легко будешь пахать четыремя корпусами на этом тракторе на второй скорости. Не так ли?

— Точно, — живо ответил бригадир.

— С такой же легкостью пойдет на второй с шестикорпусным плугом и «С-80». Об этом мы с тобой уже договорились. Теперь смотри, что дальше получается. Каждым корпусом, как тебе известно, пашем мы при второй скорости по полтора га целины за смену. Стало быть, семь наших тракторов «С-80» выдадут нам шестью корпусами при круглосуточной пахоте — плюс двадцать один гектар. Говоря попростому, мы выигрываем на этом нехитром деле почти три новых внеплановых «ДТ». Выгодная лотерея?

— Это здорово, Федор Павлыч! — сияя просветленным лицом, сказал бригадир Михеев. — Только как

же это вы изловчились шестой корпус-то прицепить?
Вот интересно!

— Хитрость тут не ахти какая. Приходится только немного удлинить раму просверленной накладкой. Простое, почти плевое дело, а толк в наших условиях выходит немалый, — сказал инженер.

— И рама выдерживает? — допытывался бригадир со страстной заинтересованностью влюбленного в технику человека.

— За милую душу. У твоих соседей, в бригаде Васи Курбатова, ребята вторые уже сутки такими шестикорпусными плугами целину со свистом смолят. А сегодня в ночную смену и твои орлы смогут последовать их примеру. Подгоняй во второй половине дня свои агрегаты к полевой нашей мастерской — тебе ж тут рукой подать — и порядок, — сказал на прощание бригадиру директор.

— Есть, — коротко ответил бригадир.

Приметив в сторонке стройную женщину с былинкой в зубах, задумчиво разглядывавшую не то какую-то открытку, не то фотографическую карточку, директор, проходя мимо, участливо спросил, поздоровавшись с нею:

— Что это вы, смотрю, пригорюнились, Анна Борисовна?

Она — это была жена бригадира, Аня Михеева, — вспыхнула и смущенно сказала:

— Да на дочку вот загляделась. Карточку с нее вчера получили, — и доверительно протянула Федору Павловичу фотографию четырехлетней девочки в светленьком, с оборками платьице, с изумленно смотревшими на мир большими, ясными, как и у матери, веселыми глазами.

— Сильна, сильна. В матушку. Это самая и есть ваша Валя? — любуясь фотографией, спросил директор.

— Ну, конечно ж, она... Ах, смерть, как я за ней соскучилась. Знала бы, ни за что не оставила с бабушкой. Понаехали же сюда с малыми детьми добрые люди, а я чего-то все за нее боялась. Бог знает когда теперь я ее увижу!

— В сентябре, в сентябре, голубушка. Не так уж

долго осталось ждать. Вот покончим с нынешней целиной, и катайте все тогда на здоровье за детьми, за стариками, за домашностью. Вагоны вам выхлопчем. А воротитесь уже в новые свои дома. Эх, и доброе же новоселье справим! — сказал директор, усаживаясь в новенький свой «вездеход» и кивая улыбающейся молодой босоногой женщине, стоявшей поодаль от палатки с маленькой дочерниной фотографией в смуглых руках.

...Проколесив целый день по раскиданным на десятки километров одна от другой бригадам, мы подошли к нераннему уже вечеру в центральную усадьбу зерносовхоза. И если бы не большой табор брезентовых шатров, привольно раскинувшихся на берегу громадного, полузаросшего камышом и чаканом, кишмя кишящего дикой птицей озера, то усадьбу с ее уютной улочкой опрятных, крытых шифером домиков, с жарко пылавшими от заката окнами можно и в самом деле было уже принять за хотя и невеликий, но давно обжитый людьми поселок. И с трудом представлялось, что здесь всего каких-нибудь дней десять тому назад не было иного жилья, кроме дощатого барака и вот этих походных палаток.

Несмотря на поздний час июньского заката, на строительных площадках бойко перестукивались топоры с молотками. Вдали, у буровой вышки, тархтел резвый движок — это бурили геологи скважину питьевого колодца. Вода, добытая с семидесятиметровой глубины, оказалась добротной, и геологи охотно потчевали ею всех новоселов, и все с равной охотой пили ее: и те, у кого была жажда, и те, кому совсем сейчас не хотелось пить. Невдалеке от тесовой столовой, прямо в степи, залетные из неблизкого районного центра киномеханики приспособливали экран, и мальчишки сидели уже — босые ноги калачиком — на траве, поторопясь захватить на предстоящий киносеанс самое роскошное, по их убеждению, место. Рядом резались ребята в футбол, и болельщики, как на всяком порядочном стадионе, то кого-то яростно хулили, то кого-то столь же отчаянно славил.

Возле одной из маленьких семейных палаток сидел в окружении табунка светлозеленых диких гусят маль-

чик лет пяти с такими необыкновенно светлыми волосами, словно на голове у него был паричишка из ковчег. Ребенок разбрасывал гусятам крошки размоченного в воде хлеба и сказал нам, как говорил всем проходящим мимо:

— Смотрите, это мои гуси. Они настоящие!

— Правильно. Сразу видно, хозяйственный новосел, — совершенно серьезно, как взрослому, сказал ребенку директор.

Но мальчик, точно поняв его шутку, громко засмеялся, жмурясь от того беспричинного восторга, какой присущ только детям.

Позднее, в одиннадцатом часу вечера, отпустив от себя бригадиров одиннадцати строительных бригад, с которыми проводил обычную летучую планерку по итогам минувшего дня и по уточнению заданий на завтрашний, директор взялся за разбор дневной почты. Бегло просмотрев несколько писем, он со вздохом сказал, утомленно откинувшись на спинку стула:

— Завалили письмами. Пишут из Севастополя, из Керчи, с Украины, с Дона, из Таганрога. И все — об одном: требуют рассказать, как работают здесь, на целинных землях, их земляки. А я вот даже своим ребятишкам в Крым написать не выберу время. Они хоть и не маленькие у нас — один уже восьмиклассник, другой во второй перешел — и на добрых людей оставили мы их там, в совхозе, а все же...

— И жена ваша здесь?

— Жена со мной. Вместе приехали. Так уж у нас заведено... — Помолчав, подумав с минуту о чем-то своем, он оживленно продолжил: — Об этом народе не письма надо писать — книги. Видели бригадиров? Молодежь — один к одному. То севастопольские каменщики, то керченские плотники и столяры. Все недавно со школьной скамьи, из ремесленных училищ. А работают как выдавшие виды мастера. С душой, со смекалкой, с азартом. Талантливые, черти. Даже зависть берет...

— Сколько же бригадиру Коломийцеву лет?

— Виктору? Чорт знает что — девятнадцать! А проектные чертежи, как академик, читает. У него и в бригаде — ребята не старше его. А работают как!

Двухквартирный стандартный дом положено, скажем, поставить одной бригадой по норме за двадцать рабочих дней. Бригада Коломийцева у нас управляет-ся с этим делом за четверо суток. Правда, на площадке — от зари до зари. Пока лето балует, приходится поторапливаться. Это все у нас понимают... А бригадира каменщиков Мишу Подлесного не приметили?

— Он, кажется, тоже не старше Коломийцева?

— Одногодки. И тоже — из Севастополя. Работал там на восстановлении жилых домов. К нам приехал со своей бригадой. Эти на кладке фундаментов под жилые дома класс показывают. Тройные нормы за световой день — как правило!

— Что же вы рассчитываете нынче построить?

— Много. Ох, много еще горячих дел впереди! Но смело могу сказать одно: к первому августа мы поставим девятнадцать общеквартирных домов и двадцать пять индивидуальных. К этому же сроку построим контору зерносовхоза и электростанцию, общежитие на пятьдесят мест и баню, универмаг и пекарню, зернохранилище на тысячу тонн и овощное, кузницу и медпункт. Все это — дело реальное. В наших силах. Но работать, понятно, круглое лето придется — как и теперь — без перекуров, впритирку. А наши люди, как видите, это умеют! Об одном мы все тут жалеем: ровнато наш зерносовхоз Никита Сергеевич Хрущев навестил. Побывал он у нас двенадцатого мая, и мы ничем тогда, кроме одного жилого барака, не могли похвалиться. Но зато людей он наших за работой увидел. А народ — главное наше богатство!

В дверь робко постучали, и ласковый женский голос сказал:

— Не пора ли домой, товарищ директор?

— Иду, иду, Маша, слушаюсь, — откликнулся Федор Павлович, тая блеснувшую на губах улыбку, и не спеша стал убирать бумаги в ящик крошечного своего рабочего стола. — Жена правильно делает, что не дает мне засиживаться допоздна. Вставать-то ведь все-таки надо во-время — в четыре, — сказал он затем, как бы оправдывая осторожное ее вмешательство.

Мы вышли из нового стандартного домика на улицу. Ночь была светлой от полного месяца, и крупные

зеленые звезды отражались в зеркальном плесе тихого озера. Усадьба уже спала. Только где-то далеко — не то в открытой степи, не то в дальней палатке — негромко звучал баян и нежный, чистый девичий голос чуть слышно пел о такой же нежной и чистой любви, и казалось, что вся усадьба, затаив дыхание, слушала этот голос.

Вдали, на тракте, то вспыхивали, то гасли снопы холодного, белого огня, и глухой, вибрирующий рокот плыл над дремлющей степью. То шла из Кустаная колонна автомашин, груженных строительными материалами и новой техникой, продовольствием и промышленными товарами — всем тем, чего не жалела страна для пионеров освоения целинных земель — строителей новых зерносовхозов.

ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ

Нарядная, сверкающая матовым серебром утренних инеев и золотыми потоками нежаркого света, щедрая на дары, долго красовалась ныне в Северном Казахстане эта на редкость кроткая осень. Незаметной, неслышной, робко прокралась она по светлоствольным березовым перелескам вслед за шумным, озорным и веселым летом в эти воспетые в птичьих гимнах степные просторы, и изумленные новоселы не могли налюбоваться прелестью невинного ее убранства и спокойной, непраздной ее красотой.

Октябрь уже был на исходе. Давным-давно умолк индустриальный гул жатвы на дремучих нивах, и комбайны, как завершившие дальнейшее плавание корабли, возвратились в свои гавани, встав на якорь у приусадебных причалов МТС и зерносовхозов. Ни ветерка в степи, ни облачка в небе. На большой высоте — вал за валом — проходили в южную глубь степей тучи северной казары. Безропотно роняли в окрестных колках березы последнюю, тронутую легкой позолотой листву. И трубный, берущий за душу клич лебедей на рассвете напоминал о близком отлете в чужую сторону и этих миролюбивых старожиллов никем не считанных тут озер. По утрам примораживало. Но в полях еще держался стойкий медовый запах томленного,

засухо сметанного в стога сена с примесью бражного аромата заскирдованной вблизи неторных дорог свежей соломы. И не подвластная утренним заморозкам отава, буйно брызнувшая из-под влажной, прогретой солнцем земли, нежно зеленела под надежным прикрытием полупоблекшей, отшумевшей своей травы...

Не за горами и зима. И никого бывало не тревожил в такую пору в этих вчера еще безлюдных и полудиких местах близкий ее приход. Только разве косяе стаи дичи, ощутив неласковое ее дыхание, вдруг покидали скопом уютные камыши и плесы в канун мятежной и грозной, как степные пожары, пурги. Или летучие табуны сайгаков с бродящими в одиночку лосями да прижившиеся здесь за последние годы свои нравные, вольнолюбивые лошади Пржевальского уходили из неприветливой в такое время степи в поисках зимнего приюта и корма вблизи обжитых людьми, не бедных санными стожками мест. И совсем не пахло тогда жилым в покинутых незлобным зверем и мирной птицей вековых целинных просторах. Только и красили их в эту пору одни бурокрылые беркуты, зорко выслеживавшие с высоты подоблачных круговых полетов земную добычу, да мышковавшие по первой пороше огненно-рыжие лисы, дразнящие злобную эту птицу пышными метлами на славу выхоленных своих хвостов...

Такими из года в год выглядели в предзимние дни древние эти степи. Но в эту погожую загостившуюся тут ныне осень что-то не спешили с отлетом и птицы. А косяки сбившихся в табунки сайгаков, случилось, мирно паслись себе невдалеке от полевых станов прочно обжившихся за минувшее лето в окрестной степи многочисленных тракторных бригад и отрядов. И даже гордые лоси и «гости» из внутримонгольских степей — лошади Пржевальского при нередких встречах с людьми не очень как будто уже чурались этих мирных, веселых и шумных пришельцев, нахлынувших в доселе полупустынные, нелюдимые степи вместе с бурными, озорными потоками полой вешней воды...

Пройдут годы.

Отшумит, отликует, набушуется на упругом здешнем ветру среди открытого моря взращенных хлебов крылатая юность и светлая молодость нынешнего поколения покорителей целины. И невесомая, как августовская паутина, седина неслышно осядет со временем в женственные девичьи прядки и в непокорные ребячьи чубы юных ныне прицепщиц из Ставрополя и молодых сегодняшних трактористов с украинской земли. И немало и веселых и горьких порою минут забудется впоследствии в их возмужалой жизни. Но никогда не позабудут они неповторимо прекрасной, овеянной романтикой, счастливой и трудной поры отважного их вторжения в эту разбуженную грохотом тракторных гусениц степь весны 1954 года!

Запоздалая, хмурая и студеная, не ласково встретила эта весна в необжитых степях неробких ребят и отважных девушек, прибывших сюда налегке с нехитрыми пожитками в вещевых походных мешках за спиной, с комсомольскими путевками в кармане. Поеживаясь, приплясывая от не повешнему лютой стужи, с ходу отметили, как могли, не шибко пока уютное новоселье у разметочного колышка в открытой степи под открытым небом. И, не мешкая, засучив рукава, подзадоривая и подбадривая друг друга то шуткой, то дружно подхваченной с лету песней, принялись с азартом и сноровкой за привычное дело. Одни осваивали новую технику, другие храбро читали чертежи сборных домов, третьи разбивали в лагерно-бивачном порядке нежаркие в весеннюю непогоду брезентовые палатки.

Греха таить не приходится: и тесновато, и не очень тепло, и не так уж уютно жилось под трепетной кровлей походных шатров после светлых и ласковых ленинградских квартир где-то на Выборгской стороне или обжитых собственных хат с палисадничками на далекой Украине. Но и под этой ненадежной и зыбкой кровлей не всем счастливым подчас доставало места. Таких неудачников выручали старые друзья землепроходцев и следопытов — костры. И совсем не худо спалось под дремотный шум бушующего в студеной ночи веселого и жаркого, как юность, огня утомленным за долгий трудовой день на пьянящем степном

воздухе, доверительно прижавшимся друг к другу впо-валку донским и ставропольским, киевским и московским ребятам...

Люди одной судьбы, при одинаково суровых, близких к несладкой фронтовой жизни условиях перешли новоселы в наступление на целину во всех девятью четырёх новых зерносовхозах Казахстана. Совхоз Украинский, где мы встречались с его строителями и механизаторами ранней весной и поздней осенью, не являет собой исключения в боевом соединении своих молодых соратников.

Как и все новоселы целинных земель, познали «украинцы» и нелады с организацией труда на первых порах, и бытовую неустроенность бивачной жизни, борьбу за избавление стойкого, крепко сбитого коллектива от случайных «золотоискателей», и трудности в освоении новых профессий, порой совсем неожиданных. Трактористов, например, среди прибывших в совхоз ребят оказалось в избытке, а строителей — на вес золота. И многие ставропольские механизаторы — в первую очередь это были коммунисты и комсомольцы — примкнули к формирувавшемуся с марша строительным бригадам. Одни из них, не раздумывая, взялись за пилы и топоры, другие — не без некоторого куража — пошли в грузчики и землекопы.

А когда директор совхоза Илья Григорьянц и секретарь партийной организации Михаил Лукошкин завели разговор о производстве самана — надежного и недорогого в местных условиях строительного материала, — то нашлись среди здешних новоселов охотники и до этой малопопулярной, трудоемкой профессии.

Немногим более полугода минуло с того апрельского дня, когда краснодарский тракторист из бригады Степана Шоломы Александр Цоцорин, обнажив в такую торжественную минуту светловолосую свою голову, прокладывал первую борозду в этой степи и все ликовали, любуясь широким глянцево-черным пластом ароматной от весенних испарин земли. В те дни бригада потомственного белорусского плотника Алексея Ошомки робко, с опаской принималась за установку каркаса первого сборного дома, а расторопные

каменщики во главе с опытным мастером кладки Иваном Ивановичем Николаевым цементировали фундаменты зданий.

Так было минувшей весной, капризной, притворно строгой, ветреной. Но ничем не напоминала теперь, в преддверии ноября, о неласковой весне эта, будто в отместку ей, затяжная, прелестная в своей кротости, полная великого покоя осень с ее сквозными потоками света и золотистым сиянием стерни. Так же ничто уже не напоминало сейчас новоселам о былой их скуповатой на удобства бивачной жизни там, где ныне красуется на пригорке заманчивый городок центральной усадьбы совхоза с его строгими по архитектурному облику общественными зданиями и уютно поблескивающими чистыми окнами в жилых домах, крытых шифером.

— ...Словом, теперь мы живем! — завершая затянувшийся наш разговор, говорит с подчеркнутой убежденностью Илья Григорьянц — человек с седой головой и молодыми порывистыми жестами.

— Живем, конечно, лучше, чем весной, — подхватил парторг, — но и трудностей еще немало...

— Самое трудное позади, — возражает директор, — главное, люди зимовать у нас будут по-человечески. В тепле и не без уюта. Особенно семейные. А таких у нас, слава богу, добрая половина. Домовитый, скажу вам, подобрался народ. У них и коровы уже свои не в редкость, и домашняя птица не в диковинку.

— А одиночки?

— Молодежь? И эти нехудо устроились. Эти в общежитиях. Их у нас два. Видели? Добротные здания. Капитальные. Из самана. Мы из этого же самана столовую и клуб выстроили, хотя этих объектов в титульных списках и нету. Невероятно, но факт: ни клуб, ни столовая не были запланированы. А вот полюбуйте, какие камышовые маты мы научились делать! Два зернохранилища ими уже покрыто. Кровля — красота, первый сорт, на шифер не променяю!

Директор, парторг, главный агроном, председатель рабочкома, перебивая друг друга, долго еще хвалили и строителей, и трактористов, и комбайнеров, и меха-

ников. Эти люди и в самом деле достойны самых высоких похвал. Прибыв в пустынную степь, где, как говорится, не было ни кола ни двора, они за несколько месяцев обжили эту степь так, что кажется, существует тут давно. Да ведь и не только обжили — 22 тысячи гектаров целины подняли!

Сторонний человек, прислушавшись к этому разговору, мог бы, пожалуй, подумать: что за благодущие! И был бы не прав. Разговор происходил в канун годовщины Октябрьской революции. Близость праздника, естественно, настраивала руководителей на торжественный лад. Они так много хлопотали и волновались все лето и осень, так мало спали и так строго с людей требовали, что сейчас от всей души выражали восторг достигнутыми результатами и прежде всего хвалили людей, творцов успеха.

Нет, это законно.

Да, не все еще семейные новоселы совхоза встречали праздник в уютных, теплых и светлых квартирах. Кое-кто в этот вечер ютился еще в нежарких полевых вагончиках, а некоторые из тех, что вселились под праздник в новые квартиры, озадаченно почесывали затылки, не зная, с чего начать: с утепления ли ненадежных дверей, с установки ли железных печурок-временок... Обо всем этом знали и директор, и парторг, и председатель рабочкома. И каждый из них «нажимал» по своей линии. Строители, несмотря на предзимнюю стужу, непрерывно усиливали темпы сборки стандартных жилых домов, а теперь с помощью освободившихся от полевых работ механизаторов работали даже вдвое быстрее прежнего. Но к празднику все же не успели закончить отделку пяти домов. Однако же, оглядываясь назад, всего лишь на несколько месяцев, они вправе были сказать эти слова:

— А все-таки самое трудное позади! Теперь мы глубокие корни в эту землю пустили, и нам, как молодому березняку, никакой ураган уже не страшен. Пусть иное деревцо и к земле бурей пригнет, а сломить уже — шалишь! — не сломит.

Позднее, когда и в окнах домов и на улицах усадеб бы весело засияли электрические лампочки, мы заглянули в некоторые из квартир новоселов. Но там было

явно не до нас, непрошенных гостей. В каждой из квартир властвовал тот волнующий беспорядок и царила та веселая кутерьма, какая обычно предшествует большим праздникам, и особенно в семьях, только что въехавших в новые квартиры. Смущенные хозяева, извиняясь, горячо приглашали нас на праздничное новоселье и не шибко придерживали нас сейчас.

Только в квартире Степана Шолома все уже было в порядке. Александра Тихоновна, жена его, развешивала по стенам в застекленных рамках фронтовые свои фотографии. В миловидной юной медицинской сестре, снятой на всех этих фотографиях рядом с улыбающимся танкистом, не трудно и сейчас угадать хозяйку дома, как в веселом танкисте — мужа ее, смущенно улыбавшегося и сейчас Степана Шолома. Снимались они в роскошных от зимнего убранства снегах Подмосковья, среди развалин Кенигсберга и на фоне развернутой панорамы Харбина.

— С первых дней войны вместе. Так уж случилось, — объяснила Александра Тихоновна.

— У них все ордена одинаковые, ох, и много! — с восторгом и не без тщеславия сказал семилетний сын Шоломов, Славка.

— Ты помалкивай, спать пора, — притворно строго прикрикнула на сына мать. И, обращаясь к нам, добавила: — Он у нас живо, что не надо, отрапортует...

А наутро мы видели Славку в школе. Он сидел на первой парте, в серединке между Лидой Мартынюк, дочерью совхозного кузнеца, и Витей Завориным, сыном конюха. Витя сидел как полагается, руки на парте, а озорная девчонка с воинственными косичками то и дело донимала Славку. Но Славка, как ни хотелось ему дернуть девчонку за косу, героически сдерживал себя, сидел не шевелясь, не обращая внимания на вольности беспокойной своей соседки. Серые, полные восторга и изумления глаза его, не мигая, смотрели на учительницу. Как и накануне вечером, сердитое от напряженного внимания лицо его готово было в любую секунду просиять от улыбки.

За окнами залитого солнечным светом школьного класса блистало погожее, присеребрянное инеем осеннее утро. И, как всегда, напряженно, звонко и молодо

бился в этом обжитом степном селении пульс обыденной, будничной, трудовой жизни. Здоровое, четкое бие-ние это ощущалось в веселом перестуке плотничьих топоров, в неистовых напевах электрической пилорамы, в грохоте возвращающихся на усадьбу тракторов.

Тихо было в тот ранний утренний час только в школе. Затаив дыхание, посверкивая широко раскрытыми на светлый мир глазами, слушали свою учительницу будущие старожилы этой земли, возделанной их отцами.

ВОСЕМЬ ПОДРУГ

Еще в Ленинграде, в канун отправки комсомольского эшелона на целину, — это было в марте 1954 года, — все семь девушек, работниц табачной фабрики, твердо решили прежде всего овладеть на новом месте профессией сельских механизаторов и во что бы то ни стало стать трактористками. Самая старшая из подруг-комсомолок Серафима Селиверстова, как наиболее практичная и предусмотрительная, запаслась даже учебной литературой по тракторному делу.

— Не поварихами же быть нам на целине! И не в водовозы мы там запишемся. Понимать надо! — говорила она своим подружкам назидательно.

— Ну, это уж как придется... — мягко возразила ей осторожная Вера Кулешева. Выросшая в деревне средней полосы России, она, пожалуй, единственная из подружек имела в те дни реальное представление о том, куда и зачем они ехали.

— Ах, оставь ты, Верка, свои неопределенности! Я водовозом быть не собираюсь. Это не на моей волне, как теперь говорится. Тоже героизм на целине — верхом на бочке ездить!

— А ты что думаешь, из всех из нас Паши Ангелины выйдут?

— Во всяком случае, я желаю быть не хуже Паши. Ясно?

— Вполне.

— Тогда не демобилизуй, понимаешь, девчат своими разговорами.

— Наоборот. Я их мобилизую. Надо быть готовыми к любому делу. Возможно, мы приедем на голое место. Гостиниц для нас с вами там еще, наверняка, не построили.

— Построят, — уверенно сказала Серафима. — На то есть среди добровольцев строители.

— А как их не хватит?

— Станный вопрос, Верка. Не нам же в плотники идти! И вообще — прекратим эти прения. Или ты не хочешь быть трактористкой?

— Нет, отчего же? Я всей душой.

— Тогда запасайся литературой. И не ломай нашу бригаду. С поезда и прямо на курсы, а потом и за руль! — тоном властного бригадира закончила разговор Серафима.

Мимолетные размолвки не мешали тесной девичьей дружбе этих комсомолок, еще больше сблизившихся, сроднившихся после принятого ими решения ехать вместе на целину. Разные по характерам, по навыкам, по повадкам, они были все же людьми одной судьбы. Воспитанные комсомолом, прошедшие хорошую трудовую школу в большом рабочем коллективе крупного промышленного предприятия, эти девушки были похожи друг на друга той душевной чистотой и внутренней собранностью, целеустремленностью, которые столь характерны для современной нашей молодежи.

Случилось так, что в одном вагоне с этими девушками оказалась и Астра Парадовская, член Ленинградского горкома комсомола, командированная в качестве проводной целого отряда ленинградцев, едущих на целинные земли. Веселая, не скупая на шутку, на песню, на выдумку, стремительная, порывистая в движениях, Астра пришлась по душе всему шумному вагону. Но особенно сблизилась с ней семь подружек: Серафима Селиверстова, Вера Кулешева, Катюша Карпова, Лида Туркова, Оля Коршунова, Нина Протасова и Маша Бичурина.

Путь был неблизкий, и за четверо суток веселой вагонной жизни девчата, приняв в тесный свой друже-

ский круг Астру, почитали уже ее как давнишнюю спутницу своей юности, доверительно поверяли ей и нехитрые тайны жарких девичьих сердец и крылатые мечты о будущем. Астра платила спутницам теплом и светом по-русски открытой души.

— Мы только в механизаторы, в трактористки, — горячо говорила Серафима новой подруге. — Если уж штурмовать целину, так только на переднем крае!

Астра всячески подогревала и без того горячую заинтересованность девчат в предстоящем освоении сложной сельскохозяйственной техники. Только одна Вера Кулешева попрежнему продолжала подтрунивать над будущей бригадиршей:

— Смотри, вместо тракторного-то отряда в поле-вую кухню не угоди!

— Нет уж, Верочка, я тебя такого теплого места лишать не буду, — отвечала в пику ей Серафима.

В вагоне было тепло, уютно, весело. Разговоры, шутки не умолкали даже ночью. Три с половиной тысячи километров, отделявшие Ленинград от конечной станции этого шумного, веселого путешествия, пролетели под ритмичный стук вагонных колес незаметно. И вот, точно очнувшись после ярких, как весеннее солнце, стремительно промелькнувших сновидений, в хмурое мартовское утро веселые спутники оказались у цели.

То была невеликая, ничем не приметная в прошлом железнодорожная станция Омской железной дороги. Шумно вывалившись из вагонов на заснеженный, забитый народом перрон, новоселки как-то все сразу притихли, стали оглядываться по сторонам. Что-то не пахло пока весной в этих краях. Низкое, пепельно-серое небо кренилось над степью, и гладкоствольные тополя угрюмо гудели на шквальном сыром, тяжелом ветру. Студеновато для конца марта. Некоторые щеголи в хромовых сапожках и модницы в капроновых чулках невесело заприплясывали. Менее спесивые тотчас же стали переобуваться в кирзовые сапоги на двойную портянку, а кто и в валенки, припасенные заботливой мамашей.

Представители Северо-Казахстанского треста совхозов, встретившие новоселов на станции, тут же вру-

чали им путевки в зерносовхозы. Серафиме Селиверстовой и ее подругам выпал на долю зерносовхоз Украинский.

— Это далеко ли отсюда? — спросила Серафима уважительного представителя треста, добродушного, смешливого сибиряка в ондатровой куртке нараспашку.

— Да нет, вам повезло, барышни. Тут рукой подать, — полушутя, полусерьезно ответил сибиряк.

— Ну, а все-таки? — не унималась Серафима.

— Да ерунда! Полных трехсот не наберется.

— Это чего же — трехсот-то?

— Верст или километров, все равно не очень точно меряны.

— Хорошенькая ерунда!

Сибиряк хитровато вхмыльнулся:

— По нашим понятиям триста верст — не велик полустанок. Вон в Тимирязевский или к Богдану Хмельницкому — пять кругленьких сот впритирку. Мы прежде и на гужевом транспорте таких концов не робели, а вам на машинах — раз чихнуть!

— Какая дорога, а то, пожалуй, вдоволь начихаешься, — резонно заметил кто-то, видать, из шоферов.

— Дорога пока — хоть на боку катись. Утром отправим, к ужину на месте будете.

— А как же, товарищ, насчет курсов механизаторов? Вот мы с девчатами, например, хотим с ходу на курсы трактористов, — не отступала Серафима.

— Все на новом месте, все там, у вас дома решится, голубушка, — успокоил ее представитель треста.

Поутру, чуть свет, колонна грузовиков с кузовами, битком набитыми новоселами, тронулась в неблизкий путь. Машины мчались в распахнутый настезь степной простор с лихой скоростью. И снова — как и в вагонах — девушек захватило светлое чувство новизны, ощущение простора, радости жизни и жажда деяния. Вспыхнула и понеслась по степи веселая песня, подхваченная десятками юных голосов.

Вскоре яркое, жаркое солнце, поднимаясь над степью все выше, начало так припекать, что кое-кто из пассажиров поснимал с плеч ватники и девушки обнажили головы. А к полудню так развезло, что дорога

превратилась в сплошное рыхлое, вязкое месиво грязнобурого снега, кипящего под натруженно ревущими при пробуксовке колесами. Бурные потоки вешней воды хлынули с увалов, затопляя впадины и низины вблизи березовых перелесков, и машины форсировали такие водные рубежи при помощи повыскакавших из кузовов, утопавших по пояс в ледяной воде дружных пассажиров.

Вся вторая половина дня прошла почти в непрерывной буксовке то одной, то другой автомашины, в каторжном труде неутомимых, попрежнему озорных, шумных, неунывающих новоселов. Ребята и девушки, превратившись в бывалых фронтовых саперов, быстро и ловко сооружали настилы из березняка или камыша, подкидывали под колеса и выталкивали машины из предательских ловушек.

В сумерках, когда стало примораживать, колонна автомашин добралась до первого на пути небольшого селения. Но оказалось, не так-то было легко и просто найти здесь промокшим и продрогшим до костей путникам желанный приют под крышей. Улицы поселка были уже забиты грузовыми автомашинами, и на воротах, как в прифронтовой полосе, красовались краткие надписи, размашисто начертанные то углем, то мелом: «Занято. Тимирязевцы», «Докучаевцы», «Здесь — Богдан Хмельницкий!» Это значило, что дома колхозников были уже заняты под постройку новоселами Тимирязевского, Докучаевского или Богдан-Хмельницкого зерносовхозов.

Но как бы ни тесно было от постояльцев в деревянных пятистенниках и саманных хатах, а нашлось в конце концов место и для новоселов из Украинского зерносовхоза. Подруги ночевали хоть и вповалку, но даже в отдельной горнице и, несмотря на большую усталость, далеко за полночь проговорили между собой. В этот памятный ночной разговор Астра Парадовская неожиданно заявила подругам:

— А знаете, девчата, я в Ленинград не поеду.

— То-есть как? — с изумлением спросила ее Серафима.

— А так, останусь тут с вами... навсегда.

— Ты это серьезно?

— Такими делами не шутят, — строго сказала Астри и стала клятвенно целоваться с подругами. ...После недельного пребывания ленинградок в брезентовых палатках зерносовхоза на берегу кишмя-кишащего птицей озера подруг во главе с Астрой Пародовской пригласили в дирекцию.

Дирекция тоже размещалась в палатке и более была похожа на полевой штаб воинской части, чем на дирекцию. Приземистый, быстрый в движениях человек с седой головой — это и был директор Илья Григорьянц — встретил девчат широкой, доверительно ясной улыбкой:

— Ну, как живется на новом месте, голубушки? Огляделись? Обвыклись? Не тесновато в палатках?

— Ничего, привыкаем. В тесноте — не в обиде, как говорится... — ответила за всех Серафима.

— Не холодновато в брезентовых-то домах?

— Да не жарко, Илья Карпович... — с легкой усмешкой ответила Серафима.

— Вот, вот, не жарко, — живо подхватил директор. — Придется подумать нам с вами о более надежном жилье. Присаживайтесь, в ногах правды нет. Потолкуем.

Девушки осторожно присели. Притихшие, насторожившиеся, они были похожи в эти минуты на птиц, готовых вспорхнуть при малейшем тревожном шорохе. Директор приветливо обвел взглядом своих юных посетительниц и после недолгой паузы сказал:

— Трудный переплет у нас намечается, голубушки. Выручайте.

— Мы готовы, — тотчас же отозвалась за всех Вера Кулешева.

— Оговариваюсь, — добавил директор, — дело не легкое. Трудоемкое. Тут и сноровка и физическая выносливость нужна... Словом, нам нужна бригада саманщиц. Как вы на это смотрите?

Девчата недоуменно переглянулись. Ни одна из них не знала, о чем идет речь.

— А это кто такие, саманщицы? — настороженно спросила Серафима.

— Обыкновенные работницы, которые бьют саманы.

— А что такое саманы?

— Блоки, или, проще сказать, кирпичи, из соломы с примесью глины. Превосходный, скажу вам, строительный материал. Видели небось, какие чудесные хаты понастроили себе из этого материала в тех деревнях, которые вам довелось проезжать по пути в наш совхоз. Зимой в таких хатах тепло, летом — прохладно. Чудо!

Девчата продолжали переглядываться между собой и молчали. Директор тоже молчал и ждал ответного слова. Наконец Серафима Селиверстова, надменно поведя своими красивыми литыми плечами, сказала:

— Странно. Мы ведь, кажется, целину поднимать приехали...

— Конечно! — с живостью отозвался директор.

— А целину, кажется, поднимают тракторами, — съехидничала Серафима.

— Ошибаетесь, голубушка, — мягко ответил ей директор. — Нам придется поднимать ее и руками.

— Вот этого я не представляла... — упавшим голосом сказала Серафима, разглядывая чистые свои руки со следами бывшего маникюра.

— Что ж, мы многого не представляли вдали от этих мест, а только целину приходится поднимать и трактористам, и монтажникам сборных домов, и бурильщикам колодезных скважин, и связистам, и шоферам, и саманщицам, и нашему брату, организаторам совхозов... — Сказав все это, директор снова оглядел девушек и, чуть помедлив, спросил: — Ну как же, девчата, задача ясна?

— Ясна, товарищ директор! — с живостью отозвалась Астра.

Но Серафима перебила ее:

— Мне не очень...

— Разберемся, — прозвучал ясный уверенный голос Веры Кулешевой.

— Не боги горшки обжигают, — примиряюще сказал директор. — Необходимый инструктаж вы получите. Разыскали мы тут среди местных старожилов бывалого мастера — золотые руки! С таким в грязь лицом не ударите. — Выждав паузу, директор спросил: — Ну как, девушки, писать приказ?

— Пишите, — твердо сказала Астри. — Попро-
буем.

Серафима Селиверстова горько вздохнула, подня-
лась, поспешно и не очень любезно простилась с ди-
ректором и вышла раньше других.

Весь вечер она провалялась в палатке, не разгова-
ривая с подругами. Греха таить нечего, остальные
тоже не очень-то были рады освоению малопривлека-
тельной и непонятной профессии. Не унывала только
Вера Кулешева.

— Не понимаю, чего это вы губы надули? Тоже
мне, белоручки — глины испугались! Погодите, все
ахнут, какие мы саманы начнем выдавать. Ведь это же
интересно: из нашего кирпича дома на центральной
усадьбе строить будут! Всех жильем обеспечим.

Девушки отмалчивались.

Астри как бригадир старалась держаться на вы-
соте и не выдавала своих волнений, но ее тоже мучи-
ли сомнения: справимся ли?

Прошел месяц.

И — это было уже в начале июня — о бригаде
ленинградских саманщиц из Украинского зерносовхоза
заговорили в окрестной степи, во всех пяти новых зер-
носовхозах. Имена Астры Парадовской, ее помощницы
Серафимы Селиверстовой и всех остальных подруг,
членов бригады, замелькали на страницах районной,
областной, а затем и республиканской печати. В Ук-
раинский совхоз зачастили руководящие работники из
других зерносовхозов. Всем хотелось лично убедиться
в быстром темпе строительства саманных жилых до-
мов, а главное — перенять опыт организации произ-
водства этого прекрасного в местных условиях строи-
тельного материала.

— За опытом валяйте в веселую нашу бригаду, —
говорил таким экскурсантам Илья Карпович Гри-
горьянц.

— Что значит — веселая?

— Так зовут у нас бригаду саманщиц.

А назвали ее так не зря. Саманные блоки девушки
изготавливали на берегу зеркального озера, оправлен-
ного в роскошную раму изумрудно-зеленого камыша.
Доступное потокам яркого летнего света, открытое

ветрам и солнцу, высокое место это радовало глаз степных путников и манило к себе. Потом потянуло сюда и водителей грузовых автомашин, сновавших взад и вперед по вновь проложенному в краю целинных земель бойкому, шумному тракту. И, конечно, не красоты природы привлекали сюда молодых людей. Парни тянулись взглянуть на работавших тут ленинградских девушек. Быстро освоив новое дело, они работали проворно, красиво, слаженно и — пели. С утра до позднего вечера звучали над озером звонкие девичьи голоса, серебром рассыпался смех.

Приглядываясь со стороны к труду этих девушек, можно было подумать, что заняты они не очень утомительным и, пожалуй, даже забавным делом — столь легки были движения их обнаженных по локоть, запачканных глиной рук, ловко орудовавших деревянными формами, набитыми вязким месивом глины с соломой. Подбадривая друг друга шуткой, они как будто не ощущали физических усилий в этом нелегком труде.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что девушки эти с малых лет только и делали, что готовяли саманы. И лишь сами они, теперешние мастера этого трудоемкого дела, да те, кто когда-либо занимался этим, знали, как трудна эта немудрая работа.

Труднее всех приходилось в первую пору, пожалуй, своенравной Серафиме Селиверстовой. Но и она, невольно заражаясь дружным, трудовым ритмом бригады, мало-помалу увлеклась рабочим азартом подруг. А спустя неделю Серафима уже не отставала от них ни в темпах, ни в ловкости, ни в смекалке, без чего не спорится никакой труд.

— Давай, давай жизни, Серафима! Это тебе не на тракторе руль крутить, — подтрунивала над ней Вера Кулешева.

— Помалкивай! Придет время, я и на тракторе класс покажу. Это ведь ты у нас метишь в поварихи, — не оставалась в долгу Серафима.

Нет, недаром то и дело подвертывали сюда с соседнего тракта лихие шоферы на своих грузовиках, всегда находя нехитрое, шитое белыми нитками оправданье: то воды в радиатор подлить, то напиться...

Очень уж хотелось завоевать внимание веселых саманщиц, снискавших такую популярность.

Но неподатливы на льстивые речи непрошенных кавалеров ленинградки. Жестоко высмеивали они не ловкие любезности и картинные комплименты залетных кавалеров. Да только те не смущались.

...Поздней осенью, в канун праздника минувшего года, я встретился с подругами Астры на центральной усадьбе совхоза. Девушки только что вселились в новое общежитие и, готовясь к празднованию новоселья, наводили порядок в уютных и светлых своих комнатах. Астра с помощью Серафимы подвешивала тюлевые гардины на окна, остальные подруги сидели, как гости, пришедшие скоротать осенний вечер в комнате своих бригадиров. Когда гостеприимные хозяйки подали на стол новенький никелированный самовар, у нас завязался тот непринужденно доверительный разговор, к которому располагают предпраздничные вечера в комнате, полной друзей, тепла и уюта.

— Клуб вы наш видели? — спросила меня Серафима.

— Отличный клуб!

— Это из нашего самана.

— А столовая, — напомнила Вера Кулешева. — Это же первое здание в усадьбе, построенное из местного стройматериала нашего производства!

— Хватит хвастаться. Подумаешь, какой интерес человеку про наши саманы слушать, — заметила Астра.

— А вот я назло похвастаюсь. Не шутка в деле — двадцать пять тысяч штук саманных блоков за лето одной бригадой набить. Нечего скромничать-то, можно и похвалиться, — рассудительно сказала Серафима.

— Вот видишь, Сима, как судьба-то сыграла! Хотела ты стать трактористкой, а сделалась саманщицей, — не утерпев, поддела Серафиму Вера Кулешева.

— Ладно, ладно, Верка, ты меня не подкусывай. Я-то нынешней зимой на курсы механизаторов как пить дать попаду. Директорскую резолюцию на заявлении уже имею, а вот тебе, видать, должность бригадной поварихи не улыбнется, — отплатила ей Серафима.

— Да, представь себе, ты права, — не улыбнется.

Меня тоже на курсы трактористов посылают, — сказала с притворным сожалением Вера. И все дружно засмеялись.

Наше общее внимание привлек знакомый голос из репродуктора:

— Говорит Москва. В двадцать часов десять минут слушайте передачу из Ленинграда!

Астра резко, точно от укола, откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Длинные, густые темно-бархатистые ресницы ее слегка подрагивали, словно от легкого дуновения, а на по-детски пухлых губах притаилась чуть приметная улыбка. Не открывая смеженных век, Астра тихо, мечтательно сказала:

— А хорошо сейчас, в канун праздника, в Ленинграде! Особенно на Невском. А, девчата?

— А у нас тоже хорошо, — так же тихо сказала Вера Кулешева. — Там по-своему, а у нас по-своему...

ОСЕННИЕ БУДНИ

Сентябрь. Сверкая падающими в ночи звездами, салютуя на прощание запоздалыми грозовыми раскатами, уходит из северных наших просторов лето. Не поскупилось оно ныне на озорные, бурные ливни в мае, на потоки тепла и света в июне, на обильные июльские росы, на ослепительно яркие и жаркие августовские дни. Оттого и в сентябре не поблекли, не утратили нежнозеленой окраски мирные лесные опушки и стойкий медовый запах не тронутых ранним инеем трав долго держится по утрам в открытой степи, вблизи неторной проселочной дороги.

Есть особая неповторимая прелесть на этих наглухо заросших, полузабытых степных дорожках, бог знает кем и когда проложенных. Они уводят от бойких профилированных автомобильных трактов в заповедную глубь родной стороны, где с особой остротой и светлым душевным трепетом ощущаешь и неяркую красоту ранней северной осени и величие вечной, торжествующей жизни в природе. Бездумно петляя вокруг березовых рощиц, храбро пробиваясь сквозь заросли ивняка, отважно взлетая на гребни крутых увалов, открывают перед тобою такие дороги огромный мир звуков, красок и запахов, бесконечно волнующих душу.

Не яркие, не крикливы в этих краях сопутствующие таким безыменным дорожкам пейзажи. Ничего, пожалуй, не скажет иному взору и этот светлый песчаный

бережок промелькнувшего мимо невеликого озера с мятежными чайками над его серебряным плесом. И эта осевшая набок скирда прошлогоднего сена, изрядно потрепанная в минувшую зиму прижившимися в здешних местах лосями, и эта могучая, похожая на древний дуб одинокая береза, угрюмо шумящая шелковистой своей листвою на неласковом осеннем ветру...

Не по таким ли окольным дорожкам и тропкам неслышно крадется к нам эта смиренная пока и кроткая осень? Стоят еще теплые, но уже нежаркие дни.

И многое говорит вокруг о разлуке с летом. Бескрайные жнивы, отливающие бронзой, стожки опрятно заправленной механическими копнителями янтарной соломы, малахитово-изумрудный ворс дружной озими и массивы черной, как вороново крыло, зяби. Невесомые, нежные кружева сверкающей паутины на стеблях голубой полыни и высокое, безмятежно ясное холодноватое небо. Трубный, берущий за душу, клич лебедей поутру и тревожно восторженный гогот батыевских полчищ диких гусей, жирующих по жнивью на закате.

Великим покоем и умиротворением веет в такую пору от присмирившей земли. Что ж, пора отдохнуть и ей, богатырской матери богатырского народа! Щедро, в полную меру своих титанических сил воздала она ныне за труд полевых механизаторов, гвардии земледельцев. С любовью потомственных хлеборобов, с творческой тревогой и риском новаторов возделывали они ее, и она не осталась в долгу перед ними. Золотые руки этих сельских мастеров, проворно и смело освоивших первоклассную в мире технику, достойны самого глубокого уважения.

Тихо в этой лесостепной стороне в час раннего сентябрьского утра. Но тишина эта мнимая, как мним и покой окрестной земли. Как в колхозных полях не везде еще смолк глуховатый, ритмично вибрирующий грохот работающих на полную мощность жатвенных агрегатов, так и в недрах полей, уже давно сжатых, или возделанных под зябрь, или покрывшихся изумрудной отавой озими продолжается незримый процесс напряженной борьбы за торжество изобилия, за расцвет преобразуемой светлым человеческим разумом, не скупой на дары природы.

...Тихо ранним сентябрьским утром среди сжатых полей. Но еще было тише в эти часы на гостеприимно-просторных, настежь распахнутых улицах села Семиозерного — административного и хозяйственного центра сельхозартели имени 8-й Гвардейской дивизии. Село это, хоть и не отмечено на карте Кустанайской области, не маленькое. Из конца в конец — добрых три версты. Но выглядит оно необыкновенно собранным, опрятным, уютным. Весело и приветливо поблескивают на утреннем солнце окошки в добротных, видать, прочно и ладно обжитых домах с роскошной геранью на подоконниках. То вдруг порадует глаз хитрая резьба колхозного зодчего по карнизу шатровых ворот у нового дома, то заденут за душу доверительно раскрытые ставни цвета небесной лазури с тюлевой занавеской в золотом от солнца окне.

В палисадниках — возмужалые упругие деревья — клен, тополь, акация. И у каждого ворот — по стаду выхоленных, белых, как выкипень, гусей. В гусином пуху и перьях дорога, ракизовые плетешки палисадников, коврики приусадебных полянок. Слово припорошено все это пышным ранним снежком. А прямые, как свечи, в струнку вытянувшиеся и слева и справа столбы с тускло поблескивающими фарфоровыми изоляторами придавали улице еще более строгий и в то же время нарядный вид. На одном из столбов, невзирая на божий день, ярко пылала во все свои сто свечей электрическая лампа...

Есть такие села, при первом въезде в которые тотчас же увидишь, почувствуешь, как хорошо, надежно живется в них людям. И хотя, может быть, не рукой тут подать до районного центра и еще дальше до областного, а все же не ощутишь здесь ни былой глуши, ни заброшенности, ни скуки. И без лишних слов и расспросов видишь — бойко бьется тут упругий пульс здоровой, теплой и светлой жизни не праздных и не неряшливых в быту и в труде людей.

Таким было и село Семиозерное. Пятьдесят километров до районного центра — старинной казачьей станции Пресногорьевской, сто двадцать до ближайшей станции Лебяжьей Южно-Уральской железной дороги, свыше трехсот до областного города Кустаная. Ничего

не скажешь, расстояния! А между тем решительно ничто не напоминало в этом селении о замедленном жизненном темпе его обитателей, о захолустной их отрешенности.

Наоборот. С бешеной скоростью, как и все в мире мотоциклисты, пролетел по широкой семиозерской улице на ревущем «ИЖЕ» то ли местный комбайнер, то ли разъездной механик из МТС. За это по крайней мере говорили браво сдвинутые на лоб окуляры и пропитанный полевой пылью и автолом комбинезон. Пропылили по переулку к колхозным зернохранилищам, видневшимся от села на отлете, две груженых пшеницей автомашины — новенький «ЗИС» и выдавшая виды полуторка. Где-то поодаль запела, неистово взвизгивая, дисковая пила. Перебежали дорогу, чему-то смеясь, две девушки в безупречно белых халатах. Они куда-то спешили с вакуум-бачком в руках — деталью от электрооильного агрегата. Потом донесся издалека тонко вибрирующий металлический звук, похожий на удар гонга. И у крыльца колхозной конторы знакомый приветливый голос сказал:

— Говорит Москва. С добрым утром, товарищи!

В конторе было очень опрятно и пусто. Пахло вымытыми полами. Огромный дымчатый кот сибирской породы дремал в углу на груди бухгалтерских фолиантов. Бойко, словно побаиваясь сбиться или отстать, тренькали сияющим маятником беспечные ходики.

Заглянув в обширный председательский кабинет, я увидел там светловолосую босоногую девочку с голубыми тряпичками вместо лент в воинственно настороженных косичках. Стоя в профиль к двери, она охорашивала перед письменным столом букет белоснежных астр, заправляя их стебли в раструб узкой цветочной вазы. Заметив меня, она расторопным движением руки отстранила от себя вазу, первой сказала «здравствуйте» и сию же секунду присела на краешек полужесткого председательского кресла. Было видно, что она ждала от меня вопросов и готова была отвечать на них.

Спустя две-три минуты я уже знал, что моей собеседнице двенадцатый год, зовут Аннушкой. Учится, конечно. Шестой класс «Б». Вторая смена. В прошлом году были две тройки. В нынешнем ничего еще пока не

известно — не спрашивали. Школа новая. Семилетка. Не успели только покрасить полы. Но директор Николай Александрович говорит, что покрасят. Помаленьку. Класс за классом... Как отдыхала летом? Очень хорошо — в пионерском лагере. Это далеко за станицей Пресногорьковской. Ох, и бор же там, ой-ой-ой! А озеро — монетку на самом дне увидишь! Честное пионерское! И еще шестеро семиозерских ребяташек в пионерских лагерях были. Все бесплатно — колхоз уважил, потому что отличники. И потому — с трудоднями. У Аннушки сорок два за нынешнее лето поднакопилось. Это за прополку колхозных бахчей. Потом еще за пастьбу гусей с птицефермы, потом табаки пасынковать помогала. То да се. А трудодень нынче — шесть килограммов. Вот и считайте! Мама сторожит колхозную контору, а сейчас на центральном току помогает отгружать семенное зерно из-под зернопульты. Видели электрический зернопульт? Это вам не веялку крутить! Теперь здесь за все в ответе колхозная электростанция: и зерно сортирует, и муку мелет, и подсолнечное масло бьет, и коров доит и — вот интересно! — овечек даже стричь может!

Мама чуть свет навела порядок в конторе и ушла на ток, а Аннушке наказали подежурить в председательском кабинете у телефона. Вот она и дежурит. Скоро придет со своим помощником главбух Мария Васильевна Кутина и тогда можно еще успеть сбегать до школы на центральный ток. А сейчас нельзя ни на минуту оставлять колхозный штаб без живого человека. В любой момент позвонить из райцентра или из МТС могут. Вот вам, пожалуйста, и позвонили!

И встрепенувшаяся, как птица, Аннушка, подлетев к пронзительно затрезвонившему на простенке старомодному телефонному агрегату, величиной чуть ли не с добрый комод, сперва с яростью покрутила дребезжащую ручку древнего аппарата, потом шумно подула в трубку и только тогда, приложив ее к уху, звонко затараторила жмурясь:

— Але, але, але! Это Семиозерка. Восьмая гвардейская. Восьмая гвардейская слушает!

И пока в трубке трещало что-то и шелкало, Аннушка, на секунду заслонив один ее конец узкой своей ла-

дошкой, успела сказать мне доверительным полушопотом:

— Это товарищ Матвесенко до нас звонит. Петр Васильевич!

Аннушка не ошиблась, звонил Петр Васильевич Матвесенко, секретарь Пресногорьковского райкома партии. Это было ясно из дальнейшего телефонного разговора юной колхозницы.

— Але, але! Ага, это я. Здравствуйте, Петр Васильевич, — живо откликнулась Аннушка на отлично знакомый ей, видимо, голос секретаря райкома, и лицо ее, на мгновение просветлев от ясной улыбки, обрело затем сосредоточенно строгое выражение.

Было совершенно очевидно при этом, что секретарь районного комитета разговаривал с Аннушкой без подчеркнутой в слове и в интонации скидки на возраст своей собеседницы. Зная этого, всегда спокойного, внешне подтянутого и внутренне собранного седоволосого человека с молодыми глазами, я ничуть не удивился тому, что он разговаривал с сельской шестиклассницей, как с давнишним другом своим, строгой рассудительностью которого дорожил. А она, напряженно прислушиваясь к далекому его негромкому, доброму голосу, отвечала на каждый вопрос с непосредственной прямою ребенка и с активной заинтересованностью в колхозных буднях родного села, во всем сведущего, но не празднословного человека.

— В школе-то? Ага, в новой, Петр Васильевич! Нашему шестому «Б» повезло — мы на солнечной стороне классную комнату получили. Ну да, знаете? Окошками к клубу. Что вы сказали? Учебники? Учебники у меня все теперь есть. Ой-ой, не все, не все, английского языка не хватает. Ну, мы ж с Ваней Мирошниковым по одному пока учим... Але! Але! Пресноредуть! Эмтеэс! Не мешайте нам, пожалуйста. Это восьмая гвардейская, мы с Петром Васильевичем говорим! Ага, обратно я, Петр Васильевич! Петра Федоровича? А они чуть свет в третью бригаду в агрегат Бережного уехали. Ничего не случилось. Ну да, нормально. Бережной сегодня на Пресноредутский увал агрегат свой перегонит. Там последние двести убирать ему осталось. И Федин Иван Нефедович туда же со своим «Коммунаром» пере-

едет. У них только механический копнитель вчера маленько барахлил. Не знаю, чего-то там заедало. Ну, потом Иван Нефедович наладил. Але! Але! Вам, может, сводку прочитать, Петр Васильевич? Вот она, на столе...

Но секретарь райкома, должно быть, сказал, что сводки читать ему не надо, потому что Аннушка, суетливо схватив с председательского стола узкий бумажный листок, испещренный цифрами, сию же минуту, видать, забыла о нем. Некоторое время затем она слушала секретаря молча, слегка склонив набок светловолосую головку со стрелчатými косичками на затылке, крепко прикусив пухлую губу. Так иные дети слушают на уроке новое объяснение предмета, стараясь запомнить каждое слово учителя, хотя и не до конца еще понимая то, о чем он им говорит. Но вот хмурое, почти сердитое от напряженного внимания лицо Аннушки опять просветлело от простодушной, по-детски ясной, непринужденной улыбки, и она с изумлением воскликнула:

— Ой, ты! Я сейчас же на ток побегу... Все хорошо запомнила. Нет, ничего не напутаю, все расскажу. До свиданья, Петр Васильевич! Вы когда к нам приедете? Приезжайте. Вы же нас еще в новой школе не видели!

Повесив трубку, сияющая от возбуждения Аннушка скороговоркой сообщила мне о том, что колхоз их занесен сегодня на районную Доску почета, и тут же попросилась сбегать на центральный ток, чтобы сообщить об этом событии старшим колхозникам.

— Я быстро. А вы пока посидите в конторе. Если товарищ Заборуйко позвонит, передайте ему, пожалуйста, сводку, — вежливо попросила Аннушка, вручая мне ту самую сводку, которую только что собиралась читать секретарю районного комитета.

— А товарищ Заборуйко — это из МТС? — спросил я.

— Ну да, директор Буденновского эмтеэса. А не он сам, так его замполит товарищ Сероус позвонить может. Это все равно кто, — объяснила Аннушка, намекая на то, чтобы я не терялся, если вместо директора потребует от меня сводку замполит.

Из сводки, доверенной мне Аннушкой для телефонной передачи директору Буденновской МТС или его замполиту, было видно, что колхоз имени 8-й Гвардейской вполне заслуженно занесен на районную Доску почета. С государством он сполна рассчитался, сдав все, что полагалось, еще в конце августа. Озимую рожь посеял сверх плана, жатву на площади двух с половиной тысяч гектаров, в сущности, уже заканчивают. Семенного зерна около трех тысяч центнеров засыпал. К животноводческим базам было подвезено из глубинной степи десять тысяч центнеров сена. Заложено пятьсот тонн силоса. Все скотобазы на фермах в этом году капитально отремонтированы.

Словом, выходило, по всем статьям тут был полный порядок. И я понимал теперь Аннушку: у кого не возникнет душевной охоты похвалиться такой сводкой перед секретарем районного комитета партии, перед директором МТС или его замполитом! Была такая охота и у меня. К сожалению, пока бегала Аннушка на центральный ток со своими хорошими новостями, ни директор МТС, ни его замполит в контору не позвонили...

А тут озадачил меня подоспевший из бригады Петр Федорович Бережной — председатель колхоза. Не выказав ни особого восторга, ни удивления по поводу занесения колхоза на районную Доску почета (он, видимо, отнесся к этому факту как к явлению вполне закономерному), несловоохотливый председатель, мало-помалу разговорившись, со вздохом сказал:

— Хорошо живем, только бить нас некому.

— Это за какие же грехи?

— За многие. А первым делом за то, что вперед смотреть не умели.

— Не умели или не умеете?

— И сейчас, может быть, не ахти дальнорозки, а в былые времена и совсем шабаш: через пень колоду жили, о завтрашнем дне не думали. Вот нас советская власть и обидела.

— Советская власть? Чем же?

— Землей. Девять тысяч девяносто га — разве это земля по нашей артели?! Из них полевой пашни примерно около пяти с половиной тысяч гектаров, выгон-

но-пастбищной — две с половиной тысячи, а под сенокос всего-навсего триста сорок гектаров. План животноводства мы выполнили по всем видам скота. У нас около трехсот лошадей, свыше восьмисот голов рогатого скота, овец тысячи две и так там и далее. В прошлом году мы получили от животноводства триста тысяч дохода. Как вы понимаете, это хорошо?

— Что же, доход немалый.

— Да и не так уж велик. Легко могли бы получить на первых порах и полмиллиона. Земля — вот где собака зарыта! Прирежь государство нам еще хотя бы с десяток тысяч гектаров, тогда бы мы раздули кадило! И поголовье удвоили бы в кратчайшие сроки, и сеять стали бы, смотришь, тыщи четыре. Вот бы и мы в люди вышли. Верно, секретарь? — спросил председатель, обращаясь к вошедшему Максиму Максимовичу Арестенко, секретарю колхозной партийной организации.

— Доходы от животноводства можно удвоить и без увеличения поголовья, Петр Федорович, — убежденно заявил Арестенко.

— Силен! А ну, подскажи, каким же это манером?

— Об этом мы с тобой не раз уже говорили...

— А ты не тушуйся, еще раз скажи в присутствии постороннего.

— Я все жду, когда ты со своего любимого конька спешишься. Далась тебе эта земля! — сказал, досадливо отмахиваясь от Бережного, Арестенко. — Спору нет, земли в нашем колхозе в обрез. Сенокоса нехватка — это тоже правда. Стало быть, один выход: расширить площадь травосеяния и корнеплодов. Это раз. Обзаводиться высокопродуктивными породами общественного скота — два.

— Эк ведь, Колумб какой!

— При чем тут Колумб? Эту азбуку любой рядовой колхозник в Семиозерке знает.

— Ага, а я, значит, плаваю в этом вопросе? Отстал?

— Нет, и ты все это отлично понимаешь...

— Ну спасибо, что не вчистую разжаловал, — проговорил с усмешкой председатель и, обращаясь уже ко мне, продолжал: — Трав за нас добрый сосед

не сеет, конечно. Одного бескорневищного пырея шестьсот га налицо. В прошлом году на семенах этой травы сто пятьдесят тысяч выручили. Нынче весь пырей, правда, на корм покосили, а вот с корнеплодами — признаю партийную критику — дело похуже.

— Признавай до конца: из рук вон худо! — опять поправил Бережного неуступчивый секретарь.

— Признаю, признаю, хвалиться нечем.

— Ну, вот и договорились. И многолетней травой не ахти богаты, и корнеплоды нашим коровам на фермах во сне пока только снятся, и высокопродуктивными породами скота хвастаться рановато, а ты уж чуть ли не в миллионеры метишь!

— Не я мечу, партия нас наметила! Ты хорошо позавчера по радио вслушался в решения пленума Центрального Комитета? Там что про наш колхоз говорится?

— Буквально про наш — ничего, но между строк и про нас прочитывать можно.

— Ну, я между строк читать не умею... Нет, шабаш. Хватит нашему брату в среднячках ходить. Теперь и для нас открыли прямую дорогу в миллионеры — так я этот партийный документ понимаю. Да что я! Весь народ так понял. Об этом в решениях Центрального Комитета не между строк, а с заглавной буквы написано! Сам знаешь, Михайла Максимыч, люди наши и прежде трудились не без души. Без этого мы бы не натерели выращивать стопудовые урожаи, это факт. Вот, скажем, не освой мы полностью севооборот, разве бы по пятнадцать центнеров вкруговую теперь получали?! А ведь до войны — дело прошлое — мы и тридцать пудов с га считали за урожай — чего там греха таить! Скажешь, техника у нас теперь мировая? Правильно, техника теперь у нас — голова кружится! Но ведь в технику-то, как и в матушку-землю, хлебобобу душу вложить надо!

Показавшийся в первые минуты человеком замкнутым, нерасторопным, неразговорчивым, председатель колхоза, тонко задетый секретарем партийной организации, преобразился. Все больше и больше волнуясь, впадая в минутные противоречия с самим собой, он уже не мог спокойно говорить теперь о судь-

бах дальнейшего хозяйственного развития, о материальном благополучии и духовном росте людей родной ему артели, о завтрашнем дне ее, столь ярко отразившемся в директивах Пленума Центрального Комитета. Он говорил, доверительно раскрывая перед нами большую тревожную душу бесконечно влюбленного в нелегкий земледельческий труд русского человека.

Около четверти века вместе со всеми своими односельчанами, ветеранами колхозного строя, провел Петр Федорович Бережной в этой артели. Пережитого было немало за минувшие годы. Величайшие трудности становления артельного хозяйства на заре коллективизации, кулацкий террор, отсутствие какого бы то ни было навыка в организации коллективного труда в первые годы, нехватка семян, продовольствия, машин и живого тягла, низкая урожайность, тощие трудовни. Был он за эти годы в колхозе пастухом и бригадиром, возчиком горючего и заведующим МТФ. И вот почему теперь было понятно, какое сложное, противоречивое чувство владело им в эту минуту. Тут была и законная гордость сегодняшним днем вышедшей на столбовую дорогу артели и творческое неудовлетворение требовательного к жизни человека. А главное — тревожно радостное ощущение близости полного великих свершений и замыслов завтрашнего дня.

Взволнованный размышлениями о решениях Пленума Центрального Комитета, Бережной вновь возбужденно заговорил, обращаясь к задумавшемуся, видимо, о том же Арестенко:

— Ты запомнил цифры?

— Какие?

— Из решения. Про пятьсот тысяч тракторов. Как ты думаешь, пять из них наш колхоз получит?

— Возможно, и все десять.

— Ага, правильно. Тогда нам не меньше десяти надо будет. Запишем. Вот тут-то я тебя и поймал!

— На чем же?

— Обратно на том же. Ты о десяти новых тракторах мечтаешь, а земля где? Признай, тесно нам стало жить при таком наделе?

— Ничего, Федорыч, в тесноте не в обиде.

— Ну, ты мне эту старую отговорку брось. Подавай, я говорю, десять тысяч га, чтобы было нам, где расправить крылья! — наседал без малейшей иронии Бережной, точно и в самом деле было во власти Арестенко немедленно вручить ему государственный акт на вечное пользование дополнительными десятью тысячами гектаров земли.

— Да ты что опять на меня наплыл? Что я тебе, министр земледелия?! — отшучивался Арестенко.

— А я бы и перед министром не оробел, кабы до него добрался... Ты вспомни, сколько раз мы писали про этот больной вопрос и в Алма-Ату и союзное министерство. А там вместо прямого ответа третий год разводят десятую воду на киселе. Вот посмотрим теперь, что министерские специалисты запоют, когда из своих канцелярий до нашей будничной жизни приспустятся! Здесь, дорогой товарищ, от живой жизни шариковой самопиской не отпишешься! Говорят, бумага все стерпит. А вот я, живой человек, рядовой председатель колхоза, такой канители больше терпеть не стану!

— Что же ты надумал предпринять? — заинтересовался Арестенко.

— Сам в Москву с докладом поеду, вот что! Приуправимся вот с хозяйственными делами, приберем хлеб, электродойку наладим, и поеду. Прямо к товарищу Хрущеву. Там нашу беду сразу рассудят! — убежденно заявил Бережной и, вспомнив, что его уже дважды требовали на строительство колхозных зернохранилищ, заторопился к выходу.

...Поздним вечером, завернув на яркие огни сельской библиотеки, я застал в читальной комнате немало народу. Была тут и молодежь, занятая просмотром иллюстрированных журналов, были и пожилые люди. Эти сидели на тесно сдвинутых стульях своим кружком. Они не читали ни газет, ни журналов, а только негромко, вполголоса, мирно толковали между собой. Было видно, что все они забрели сюда по давнишней привычке коротать свой недолгий вечерний досуг на миру.

Почти все эти сидевшие в сторонке люди были ветеранами колхоза, старой его гвардией. Среди них

я увидел старейшего колхозника Данилу Матвеевича Воробьева, чабана Ивана Федоровича Гуренко, семидесятилетнего табунщика с конефермы Садвакаса Буканова. Здесь же был заведующий током Василий Успенцев. Потом подсели еще две доярки: Анастасия Сергеевна Слепченко и Пелагея Никифоровна Горбаченко. Мне было известно, что на лицевом счету каждого из этих людей числилось от шестисот до тысячи трудодней, что многие из них, несмотря на преклонный возраст и полный достаток в семьях, продолжали трудиться в колхозе, потому что все не в ладу было с праздной жизнью смолоду и сыновней любовью любили родную землю, вырастившую и вскормившую их. Не потому ли выглядели все эти люди куда моложе, бодрей и свежей немалых своих годов?!

Маленькая Аннушка тоже была в читальне. Она потихоньку сказала мне, что зашла сюда прямо из школы, — надо было обменять прочитанную книжку «Русские сказки» в обработке Алексея Толстого и потом подождать здесь маму: поехала на центральный ток за пшеницей, авансом на трудодни, и сказала, что тоже потом зайдет сюда.

Сначала Аннушка, примостившись за отдельным маленьким столиком, сидела смирно. Разложив перед собой тетрадку, она собралась решить между делом заданную на дом задачу. Но потом к ней подсел вихрастый и смуглый, как цыганенок, мальчишка с озорными глазами и стал всячески мешать ей. Сперва Аннушка нелюбезно отфыркивалась и отмахивалась от непрошенного соседа. Однако напористый мальчишка тут же покорила ее очень смешной картинкой из «Крокодила». Потом они вместе стали разглядывать другие смешные рисунки в журнале и так громко начали смеяться при этом, что строгая библиотекарьша Дуся Першукова, сначала несколько раз прищипнув на них, в конце концов лишила их «Крокодила», а обидевшийся сосед Аннушки тотчас же шумно покинул читальню. Аннушка тоже немножко надулась, но потом отошла и принялась, горько вздохнув, за свою задачу.

Я, пристроившись за соседним столиком, стал просматривать абонементную картотеку читателей Семиозерской библиотеки. Передо мной было свыше двух-

сот пятидесяти карточек. И почти каждая из них была испещрена длинным перечнем книг современной советской и классической русской литературы. Имена некоторых из этих читателей были знакомы мне. В большинстве случаев это были рядовые колхозники и колхозницы, трактористы или бригадиры. К активным читателям, судя по картотеке, относились доярка Антонина Чубина и бригадир тракторного отряда Михаил Николаенко, рядовая колхозница Любовь Ярошенко и помощник комбайнера Александр Иванцев, учетчица Анна Лушкина и шестидесятилетний член правления артели Михаил Иванович Мирошник. И трудно было бы перечислить здесь не только книги, прочитанные ими, но и имена авторов этих книг. Во всяком случае тут были сочинения Льва Толстого, Максима Горького, М. А. Шолохова, А. А. Фадеева, А. П. Чехова, Вилиса Лациса и много-много иных имен из созвездия русской классической и современной советской литературы.

Несмотря на приглушенно сдержанный разговор беседовавших в сторонке колхозников и мимолетные вспышки негромкого смеха увлеченной просмотром журналов молодежи, в библиотеке тем не менее царил тот покой, который располагает к душевному уюту, к ясным мыслям, к раздумью. Ощущение этого покоя обострялось, быть может, шумом осеннего ветра в ночи за окном, глуховатым ритмичным рокотом газогенератора на сельской электростанции, мягким светом матовых лампочек в этой опрятной, уютной комнате...

Но вот стоило появиться здесь председателю колхоза с секретарем колхозной партийной организации, как сдержанный разговор колхозных старожил тотчас же обрел более активный, оживленный характер и привлек столпившуюся вокруг стариков молодежь

— О чем задумались, гвардейцы?! — громко спросил Бережной, с ходу включаясь в беседу.

— Да вот толкую, что жалко, мол, до коммунизма не дотяну, Петро Федорыч! — отозвался на его вопрос старейший из колхозников, Даниил Воробьев.

— Умирать собрался? В такое-то время?

— Об этом как раз и речь. Время такое — жить шибко охота.

Д. Г. ...
Соломби ... района ... 117
г. Архангельска

— Ну и дай бог, живи себе на здоровье.

— Силы не те, Федорыч...

— Ничего, старина, сила — дело наживное. Знаешь, в народе у каждого крылья растут!

— Вот и завидно.

— Ну, с такой доброй завистью можно век вековать! Нет, дед, помирать нам теперь недосуг. Есть у нас еще дома дела, как в шоферской песне поется. И ты это брось — на тормоза переходить. Переключайся на третью скорость!

Все засмеялись.

Осветилось застенчивой, почти детской улыбкой и лицо старика Воробьева, и он снова повторил, как бы в чем-то оправдываясь:

— Нет, правда, жить мне шибко охота, ребята... Мне бы лет через пяток ишо на нашу Семиозерку посмотреть, а там уж и бог с вами!

— Ого! Да разве ты через пять лет ее узнаешь?! — воскликнул Бережной. — Ни в жизнь! Каменные дома под железом один к одному поставим, сады под окнами зашумят, вместо нынешнего клуба Дворец культуры построим! Это факт. До всего дойдут руки. Ведь у всех у нас с вами на памяти, каким выглядело наше село лет двадцать назад?

— Даже и не село, а хутор, — поправил Бережного Аристенко.

— Точно, не село, а хутор. И на весь хутор — три деревянных дома, да и те кулацкие. Остальные — землянки на семи жердях с подъездами. Дворы небом крыты, белым светом огорожены.

— Что там вспоминать, одно слово — хуторяне, не жители были, — пренебрежительно отмахнувшись рукой, сказал Василий Успенев.

— Вот именно, вот именно, правильные слова, Василий Алексеич! — горячо поддержал его Бережной и, не усидев от возбуждения на месте, вскочил и стал говорить стоя, как на собрании. — А теперь мы на этом хуторе семментальских коров электричеством доить начнем. Свету в каждом доме — залейся. Все работы на девяносто процентов механизированы. У каждого — хлеба сотни пудов в запасе. Новую семилетку ребятишкам нынче отстроили. Одних вело-

сипедов больше ста пятидесяти занимали наши колхозники. Да и мотоциклы уже не в редкость. Впору собственную автоинспекцию заводить и на перекрестках регулировщиков ставить. Вот тебе и хутор! — заключил Бережной под дружный смех колхозников.

Но тут тракторист Мамсаев спросил председателя:

— Это правда, что трактористов теперь в штаты постоянных рабочих эмтеэс зачисляют?

— Ох, и неохота же мне признаваться в этой правде, ребята! — сказал Бережной, сокрушенно вздыхая

— Это почему же? — спросил насторожившийся Арестенко.

— А потому, что в этом вопросе я с решением Цека не совсем согласный, хотя и беспартийный, конечно...

— Критика снизу! — иронически заметила библиотекаря Дуся Першукова.

— Правильно, Дуся. Снизу, можно сказать... А почему критика? А потому, что смерть как мне жалко отпускать из колхоза таких мировых ребят, дорогие товарищи. Шутка сказать, враз пятерых орлов потерять! Вспомните-ка, как они на подвозке сена к базам в зимнее время нас выручали!

И тут снова все засмеялись. Засмеялся и Арестенко, покачав головой. Смеялся, как всегда заразительно и непринужденно, и сам Бережной.

Потом, когда смех затих, люди, как бы мечтая вслух, попрежнему негромко и сдержанно заговорили о будущем своего колхоза. О строительстве новых домов — каменных, крытых шифером, жестью или черепицей; о разведении чистокровной русской рысистой породы лошадей на коневодческой ферме; о духовом оркестре и пианино, которые надо приобрести для сельского Дома культуры; о колхозном водопроводе и об автоматических поилках на молочнотоварной ферме...

И Аннушка, покончив с задачей, сидела теперь за столом в одиночестве. Подперев пухлую щеку рукой, посверкивая широко раскрытыми, ясными, как весеннее небо, глазами, вслушивалась она в задушевно журчащую человеческую речь — речь о ее будущем!

Ст. Пресновская,
Северный Казахстан

Детская библиотека

Соловьевского

г. Архангельск

СОДЕРЖАНИЕ

Золотое дно	3
Весна на дорогах	35
В далекой нашей станнице...	55
Далеко за Кустанаем	73
Покорители целины	85
Восемь подруг	93
Осенние будни	104

Шухов Иван Петрович

ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ

Редактор М. Шкериц

Художник В. Колесников

Худож. редактор Н. Коробейников

Техн. редактор Г. Голубкова

А01917. Подп. к печати 6/IV 1955 г. Бумага 84 x 108¹/₃₂ =
= 1,875 бум. л. = 6,15 печ. л. Уч.-изд. л. 5,9 Заказ 555. Тираж 90 000.
Цена 1 р. 80 к.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55. Суцневская, 21.

1/2 1915
1/2 2446

1 р. 80 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ